

Парад
Планет

Проза

сборник текстов – победителей
прозаических конкурсов «Литгалактики»

Составление – Ирина Архипова
Дизайн – Виталий Музуров

Парад планет. Проза – Литгалактика,
2021. – 113 с.

В сборник вошли прозаические произведения – победители и призёры конкурсов, прошедших на сайте «Литгалактика» в первые полгода полёта (17.01.2021 – 17.07.2021).

I. Планета Голливуд

Планета Голливуд

предлагает разнообразные конкурсы, связанные с кино (темой ли, названием или сюжетом). Большие и короткие, прозаические и поэтические – на любой вкус.

Прозаические конкурсы планеты Голливуд:

Иллюзион – серия конкурсов новых миниатюр до 5000 знаков на заданную тему.

Короткометражка – серия конкурсов новых миниатюр не более 1000 знаков на заданную тему.

Стоп-кадр – серия конкурсов новых миниатюр до 5000 знаков по одному из стоп-кадров из заданного фильма.

Браво, маэстро! – конкурс рассказов до 5000 знаков с использованием заданных слов.

Первый Открытый Большой Прозаический Конкурс – анонимный трёхтуровый конкурс прозаических миниатюр до 5000 знаков на заданные темы.

Иллюзион. Фильма первая

Чародеи
Джон Маверик

– Не двигаться, это ограбление!

Коренастый мужичок в балаклаве, упиваясь собственной крутизной, размахивал штормовой винтовкой. Он глумливо направлял оружие то на бледную, как стена, кассиршу, то на полноватую даму у банковской стойки, то на тощего молодого человека в поношенной куртке, то на перепуганную старушку с ролятором, пока из ствола не выпорхнула синяя птица. Вслед за ней вырвался шипастый побег с огромным красным бутонем. Цветок раскрылся, и женщины изумленно ахнули. Отшвырнув ставшую непригодной винтовку, грабитель бросился к выходу и чуть не влетел с разбегу в объятия двух полицейских. Преступника скрутили и увели, а третий блюститель закона не торопясь приблизился к парню в поношенной куртке.

– Айзек Вайншток?

– Да, – ответил парень, вынимая руки из карманов.

Его доставили в участок и три часа держали в комнате для допросов. Как преступник, закованный в наручники, Айзек смиренно сидел на стуле, разглядывая забранные решетками окна, висячую лампу над столом и смутные тени веток на стене. Наконец, дверь открылась и вошел комиссар с картонной папкой под мышкой.

– В чем меня обвиняют? – спросил Айзек.

– В пять лет вы впервые обезвредили преступника – квартирного взломщика. Превратили его револьвер в бутылку кока-колы, – принялся читать комиссар, усевшись за стол и раскрыв перед собой папку.

– Я испугался, – возразил Айзек. – К тому же любил колу.

– В 2035 году во время беспорядков в Чикаго вы одновременно разоружили демонстрантов и полицейских. Вдобавок выпустили в воздух облака конфетти, чем ухудшили видимость практически до нуля.

– Могли погибнуть люди.

– Это было протестное движение за права черных.

Айзек беспомощно пожал плечами. Тихо звякнули наручники.

– Я, знаете ли, далек от политики. Просто не люблю насилие.

– После этого случая вас обследовали в государственной клинике в Цинциннати, откуда вы сбежали, проделав в стене дверку и спустившись с пятого этажа по цветочной гирлянде. С 2036 по 2038 вы разъезжали по стране с бродячим цирком, выступая в магическом шоу. Что, кстати, чистой воды мошенничество.

– Почему?

– Люди приходили к вам смотреть фокусы, а вы им показывали чудеса.

– А есть разница?

– Конечно. Как между искусственными цветами и живыми. Нельзя обманывать потребителей, подсовывая им другой товар. Так, дальше. Полгода назад вы накормили два десятка бомжей, превратив гору мусора в первоклассные продукты. И вот сегодня в банке... Вы, Вайншток – опасный мутант, – подытожил комиссар полиции, захлопывая папку. – К тому же, асоциальный и политически неграмотный тип.

Айзек вздохнул.

– Что вы со мной сделаете?

– Формально вам нечего предъявить. Сейчас не средние века и нет закона о колдовстве. Поэтому вместо тюрьмы, где вам самое место, отправитесь в закрытый интернат. Не обольщайтесь – он охраняется лучше, чем тюрьма. Сбежите опять – мы вас уничтожим. Так что лучше и не пытайтесь.

– Не буду, – согласился Айзек.

Всю дорогу до интерната он дремал в неудобной позе, приклонив голову на ремень безопасности. Полицейскую машину то и дело потряхивало на поворотах. Странная, извилистая сельская дорога. Его везли в какую-то глушь. Но Айзеку было все равно. Он устал. Невероятно устал. Он знал, что его трудно убить. Разве что во сне. Даже чародею нужно иногда спать, и в этот момент он расслаблен и уязвим. И, разумеется, он мог убежать. Достаточно превратить оконные решетки в солнечные лучи, а машину – в открытую повозку. Охранники? Пусть станут жаворонками и немного полетают. Он бы и сам обратился кем-нибудь крылатым и, как Икар, устремился в небо. Подальше от земли – в стратосферу, в космос. Но... какая разница? В одиночку не изменить мир.

Окруженный высокой стеной, как рыцарский замок, интернат утопал в осенних красках. Дикая яблоня в спелом золоте плодов. Тронутые винным румянцем клены. Вечнозеленый плющ, нежным бархатом укрывший холодные каменные стены. С Айзека сняли наручники и втокнули внутрь. Он стоял посреди просторного холла и озирался. Конвоиры исчезли. По винтовой лестнице к нему спускалась девушка в ковбойке и джинсах – да что там, девчонка, обычная, слегка растрепанная, одетая по-домашнему.

– Привет, – улыбнулась она, протягивая Айзеку обе руки. – Я – Алиса. Не бойся, ты среди своих. Идем, познакомлю тебя с детьми.

– Дети? – удивился он. – Какие дети?

– Идем-идем, – засмеялась девчонка и, усевшись верхом на перила, легко заскользила вверх.

Огромная комната звенела детскими голосами и птичьими трелями. Ожившие мягкие игрушки танцевали в обнимку с ребятишками. Кружились под потолком бумажные самолетики, яркие бабочки и цветочные лепестки. А сам потолок – прозрачный и синий – струился разноцветными облаками, сверкал звездами, солнцем и луной, роняя на пол блестящий теплый снег.

– Они еще совсем малыши и не могут контролировать свои волшебные силы,
– извинилась Алиса.

– Ничего, я в детстве тоже так играл.

Они присели на мшистую кочку рядом с крошечным озерцом, в котором маленький мальчик ловил золотых рыбок.

– Теперь нас двое – взрослых, – серьезно сказала Алиса. – Мы научим их всему.

Иллюзион. Фильма вторая

Зеленая книга

Marara

Увидев шатер, Лиз заныла, словно она мечтала о нем с самого рождения. Пит поморщился, как от зубной боли. Обычно детей выводила гулять его жена, и она явно избаловала девочку. Сын, Сэм, вел себя куда лучше. Но и он, похоже, был не прочь взглянуть, что скрывается под вывеской «Иллюзион» и за полотняными бордовыми стенами тента.

– Фильм-сказка, наподобие Диснеевских, живое шоу, музей иллюзий, – бодро отрапортовал толстяк-индус на входе, – билет –15\$. Детский – 10\$.

– У тебя остались деньги, Сэм? – строго спросил отец. Сэм мотнул головой и замер, ожидая выволочки: он должен был учиться «разумно распределять расходы», но они уже полдня гуляли по ярмарке, оплачивая разные аттракционы. У него в кармане осталось лишь 3 жалких доллара; он никак не ожидал, что встретится еще один аттракцион, да еще такой заманчивый!

Питу стоило, конечно, просто развернуться и уйти, преподнеся урок бестолковым чадам, но бордовый тент был сюрпризом и для него самого. Баскетбольный матч по телику вот-вот начнется. Пока он дотащит детей до дома, игра наверняка кончится. А тут, неподалёку живет приятель со сносно работающим телевизором и неплохим баром – почему бы его не навестить? А во время матча Сэм вполне присмотрит за малышкой в шатре – они никуда из него не денутся...

– Сэм, купи! – канючила Лиз, протягивая ему огромную книгу сказок с иллюстрациями. Сэм лишь нервно сглотнул. Он обожал сестру. Одиноким, мечтательным подростком, он не был популярным в компании сверстников, а сестра с восторгом слушала его фантазии и охотно принимала участие во всех играх. Он был в ее глазах героем, если не волшебником, но никакой героизм не мог превратить 3 доллара в 16. Продавец в чалме, стоявший за прилавком, с интересом наблюдал за ними: покупателей было мало, их оттянуло на себя очередное шоу с фокусами.

– Сколько у тебя денег, малыш? – сочувственно спросил он мальчика. Сэм выгреб из кармана весь свой капитал; продавец задумался и ласково произнес, – На ту, дорогую, явно не хватит. Но у меня есть и подешевле.

Он достал из под прилавка три большие тетради в разноцветных обложках.

– Эта – желтая – сказки пустыни; синяя – о море, зеленая – джунгли, луга... Какую хочешь?

Сэм протянул руку к зеленой; она была побольше других.

– Но тут черно-белые картинки! – огорченно воскликнул он, наскоро пролистав страницы, – Тут и язык – не наш! Я не знаю букв, – как читать сказки?

– Имеющий воображение – не нуждается в алфавите, – медленно протянул продавец, и в черных непрозрачных глазах его что-то блеснуло – он любую историю прочтет сердцем. Ты сам найдешь цвета для иллюстраций; но сказка становится частью жизни купившего такую книгу. Иллюзии – не безобидны; они меняют и их владельца. Берешь?

Сэм хмуро протянул деньги и Лиз просияла: хоть что-то да купил!

Родители громко спорили за стеной. Сэм спал, как убитый, а Лиз, проснувшись, напряженно вслушивалась в раздраженные голоса. Она по опыту знала, что плакать в такие минуты не стоит: папа слишком зол и рассердится еще больше.

– Парень совсем разболтался, – рычал Пит – сплошные «Ди». И математика, и химия...

– Мальчик – гуманитарий, – жалобно возражала мама, – его последний английский тест – на «А». И рисует прекрасно!

8

– Вот-вот, рисует! Занимался бы уроками, а не рисовал... Все его проклятая зеленая книга!

– Ох! Как ты мог, Пит! Что мы скажем Сэму, когда он проснется!

Сэму снились джунгли: зеленые, праздничные. Сквозь просвет в кронах пробивались мощные лучи солнца, и мох на позеленевших от старости стволах казался бархатным, как занавес в театре. Актеров – веселых дикарей с их вигвамами пока не было видно за этими мощными стволами-колонами, но они вот-вот выйдут на сцену, как не раз бывало и раньше... Неожиданно небо полыхнуло алым, как на закате. В просветах между стволами заметались языки пламени и огромный огненный смерч понесся ураганом вдоль деревьев, охватывая и руша их на землю. Между падающими стволами носились испуганные звери и туземцы. Но стоило языку пламени лизнуть их, они мгновенно вспыхивали и тоже падали, рассыпаясь черным пеплом. За пару минут джунгли превратились в черную выжженную пустыню, плоскую, как поверхность стола. Сэм в ужасе закричал, но даже эхо ему не ответило.

Лиз осторожно вытащила книгу из шкафа. Она была угольно-черной, как и весь предыдущий месяц. Сэм так и не проснулся тогда, и врачи ничего не смогли сделать. Кома, да...

А она в то утро пробралась к остывшему камину и увидела, что книжка не сгорела: просто страницы стали гладкими и черными – ни букв, ни картинок. И акварель не оставляла на них следов. Но ей на день рождения подарили гуашь. Вот она. Гуашь – густая, а что за книжка без картинок? Сэм любил картинки! Девочка обмакнула кисточку в воду и окунула ее в баночку с зеленым цветом. Закрасив обложку, Лиз занялась первой страницей: желтое солнышко в бороде лучей, синее небо, зеленая яркая травка. Очень большой человечек-мальчик и маленький человечек-девочка в треугольной юбке. Она и Сэм.

Дверь заскрипела, и Лиз испуганно оглянулась. В проеме двери покачиваясь стоял Сэм, такой худой и бледный после его странной болезни. Он ей улыбался.

Короткометражка – 1

Тихая улица
Aleker

Здесь не ездили трамваи, не грохотали по булыжной мостовой самосвалы. Тихая неприметная улочка, спрятанная в кирпичном лабиринте нашего города. Лишь несколько старых клёнов, которые ещё не срубило градоначальство – вот и всё её украшение.

Был конец осени.

Я выглядывал из окна первого этажа, когда вдруг появился Художник. Он остановился у одного из клёнов и поднял голову вверх, будто что-то изучая. Потом поставил свой этюдник и буквально за 5-10 минут нарисовал нашу улицу цветными карандашами: дома, небо цвета стали, жёлто-бордовые листья деревьев. Повернулся ко мне:

– Похоже?

Я кивнул.

10

Художник взял ластик и зачем-то стёр листья с клёнов на картинке. На мой вопросительный взгляд коротко ответил:

– Так надо. Время пришло.

Протянул мне рисунок, собрал свои вещи и быстро удалился.

Ночью я часто просыпался от того, что сильный ветер стучал по крыше моего дома. А когда утром я снова выглянул в окно, на деревьях не осталось ни одного листика. Точь-в-точь как на рисунке, что я держал в руках.

Солнце и ветер

Джон Маверик

На улице Шахтерской живут солнце и ветер. У солнца густая рыжая шерсть и пушистый хвост. А глаза – светло-янтарные и такие яркие, что под их сияющим взором серые срубы домов и пыльные камни горят золотым огнем. Оно любит дремать на карнизах или скакать по стенам, отражаясь в оконных стеклах.

У ветра мех серый, как у волка, и пронзительный синий взгляд. Он задувает в каждую щель и проникает в самый крохотный закуток. Он метет по дороге мелкий сор, а по ночам мягко толкает приоткрытые двери. Солнце и ветер знают, что еще недавно тут раздавались человеческие голоса, звенел детский смех и стучали каблуки по мостовой. Иногда, греясь бок о бок на чьем-нибудь крыльце, они вспоминают, как это было, вздыхают и жмурятся на знойное летнее небо. Ветер и солнце понимают друг друга без слов.

На улице Шахтерской живет тишина. У нее длинные ослиные уши и чуткий слух. Она бродит по пустым дворам, вслушиваясь, не скрипнет ли ставень. Но ни шороха – молчат дома, все глубже врастая в землю.

Короткометражка – 2

Страна игрушек

Гелия Алексеева

Арка каменного моста соединяла берега прохладного ручья, и деревья отражались в воде, будто плыли вдаль, открывая путь в новый мир. Высокие деревья смыкались ветвями, превращаясь в замок с колоннами и куполом. Ася наблюдала за внучкой, как она носилась по осеннему парку, поднимая шлейф из цветных листьев.

Яркое пальтишко мелькало, как крылья бабочки, то на аллее, то снова у ручья.

Вороша слой листьев, внучка находила в них разные подарки – шишки, орешки, камешки.

Парк был населён волшебными существами.

– Это мои игрушки! Их много, целая страна! – уверенно заявляла девочка. – Вот здесь – мой замок! Эти кусты – моя охрана! Ёлочки – мои слуги! А я – принцесса!

Внезапно с высокого дерева прыгнула белка. Она схватила орешек и взвилась по стволу вверх, размахивая шикарным рыжим хвостом.

– Это мой курьер! – засмеялась девочка. – Это тоже моя игрушка! Она будет жить в моём замке!

– А я тоже буду игрушкой в твоей стране? – с улыбкой спросила Ася.

– Нет! Я разрешаю тебе быть бабушкой!

Короткометражка – 3

Подвиг разведчика GP

Вы знаете, друзья, как я люблю охоту. И слышали, какой я отважный воин. Я вам расскажу, как однажды пригодились эти мои замечательные умения. В те времена я гостил в Санкт-Петербурге, и слава о моих подвигах летала передо мной на крыльях молвы. И вот вызывает меня российский император, и спрашивает, не мог бы я добыть секретные планы у самого турецкого султана. Я ответил без хвастовства, что делал дела и посложнее. Не мешкая я отправился в Крым, нырнул в Черное море и скоро выплыл в фонтане султанского дворца.

Глянул – боже мой, вокруг ходят голодные львы, а в беседке склонились над картой султан и его генерал.

Я пополз как змея, но один лев заметил меня, и хотел проглотить. Вы помните Самсона, раздирающего пасть льву? Самсон – мой любимый ученик. Вывернув льва наизнанку, я вытряхнул его из шкуры, и залез в неё сам. Подкравшись к беседке, я потёрся боком о ноги султана, и пока он с генералом трепали «мою» гриву, успел снять копию карты со всеми её подробностями.

13

Вы знаете, что император лично пожимал мне руку. Теперь знаете – за что.

Дождь

Галка Сороко-Вороно

Вода – вещь необходимая, но вызывать дождь люди по сей день не научились.

Случилось мне раз засушливым летом оказаться в российской провинции. Дождя с весны не было: посевы сохнут, трава пожухла, деревья среди лета желтеют. Тучи-то над головой давно висят, а ни дождевики...

Отыскал я длинную стремянку и решил на тучу забраться, посмотреть, отчего же дождь всё никак не прольется. Да коротка оказалась лесенка... Но я не растерялся: долез доверху, перевернул её и полез выше – так до самой тучи и добрался. А там воды – полным-полно, просто вентиль заело, а починить некому.

Я кран-то поправил, и тут такой дождь хлынул, руку протяни – своей ладони не увидишь... Да вот беда: пока возился – стремянка вниз упала. Как спускаться?

Но струи были такие толстые, что я, ухватившись за одну как за канат, через пару минут был на земле!

А наутро читаю в газете: тысяча рублёв серебром, что ихний государь из казны выделил на борьбу с засухой, потрачены с великой пользой – дождь в губернии организован.

Стоп-кадр – 1

Я так вижу...

Aleker

Каждый будний день около шести вечера, возвращаясь с работы, я прохожу мимо небольшого сквера на углу Владимирской и Прорезной. Резной чугунный фонтан в виде чаши, вымощенные жёлтым камнем тропинки, полдюжины скамеек в окружении цветущих каштанов – наверное, лучшее место в городе, чтобы присесть после изнуряющего трудового дня, откинуться на спинку скамейки, задрать голову и приходиться в себя, сортировать свои мысли, набираться новой энергии, глядя на бесконечно голубое небо через дыры в густых листьях каштанов .

С Ником я познакомился случайно. Он присел рядом со мной, открыл блокнот и принялся графической ручкой набрасывать эскиз домов напротив

Заглянув ему через плечо, я увидел как чётко он выводит линии, как на белом листе чёрточка за чёрточкой и почему-то коричневой тушью вырисовываются улица и дома. Деревья, только что изображённые художником, приняли зелёный цвет, а несколько птиц, пририсованных тут же, – синий.

15

Художник посмотрел на меня.

– Нравится? – коротко спросил он.

– Очень, – честно ответил я. – Только вот не пойму, как так получается, что ручка сама меняет цвет.

Он улыбнулся.

– Это специальный рапидограф. Он воспроизводит предметы так, как я их чувствую.

– А, вы – дальтоник?! – Осенило меня. – Поэтому и рисуете одним цветом, чтобы не ошибиться.

– Напротив, – художник смотрел мне прямо в глаза, словно соображая, можно ли мне доверять и стоит ли рассказывать дальше, – я прекрасно отличаю красный от зелёного. Более того, я вижу не менее пятидесяти двух оттенков каждого из этих цветов.

– Но как же... ? – Начал было я, и запнулся, не зная, что сказать.

Он продолжил:

– С домами и улицами просто – они терракотовые. Малахитовый цвет деревьев обычно тоже не вызывает вопросов. Птицы – ультрамариновые, они впитывают в себя небо и меняют цвет почти сразу же, как начинают летать.

– Здорово! – Воскликнул я. – А люди?

Художник стал серьезным.

– А это напрямую зависит от человека. Бывает, что красивая девушка оказывается полнейшей стервой, сломавшей жизнь не одному молодому человеку, своей лучшей подруге, да ещё и пинающая бездомного котёнка, который прячется в её подъезде от холода.

– И что тогда? – Нетерпеливо спрашиваю я.

– Тогда вместо прелестного личика на бумаге появляется её натура – гадкая уродина, ядовито-гнойного цвета или, что ещё хуже, совсем чёрного. И форма модели преобразуется – вместо стройной хорошей фигурки на бумаге появляется только бесформенный контур, да ещё и пустой внутри. Как она сама.

– Да, – проговорил я, – такой рисунок заказчику не отдашь. Не узнает себя, а ещё хуже – побьёт.

– Вот именно. – Подтвердил он. – Хотя бывает и наоборот. Старушку в старом обветшалом пальтишке я вижу такой, какой она была в свои восемнадцать лет – молодой, прекрасной и беззаботной.

– Что-то мне это напоминает... – проговорил я.

– Вы будете смеяться, но именно что «я художник, я так вижу». – Вздохнул мужчина. – Поэтому я и не пишу портреты. Только пейзажи! Ведь людей, которые и душевно такие же, как снаружи, совсем мало... – И после короткой паузы добавил: – Ну, разве что дети... Особенно маленькие, они получают полуденно-солнечные с блестящими пузырьками лимонада вместо волос и смешными розовыми конопушками.

– Я бы с удовольствием посмотрел на эти ваши картины! – Восторженно воскликнул я.

Он снова улыбнулся.

– Я тут бываю каждый день. – Пытался я уговорить художника. – Приходите завтра, хорошо?!

– Договорились. – Наконец сказал он. – Завтра в шесть часов на этой же скамейке.

Мы представились и пожали друг другу руки.

– И знаете что, – проговорил Ник на прощанье, – я, пожалуй, нарисую завтра ваш портрет...

Браво, маэстро!

Скала
Aleker

Роза Марковна была женщиной строгой и даже жёсткой. Говорила то, что думала, не взирая на чины и лица, за что и получила от сослуживцев прозвище «Скала». Она могла ворваться в кабинет начальника прямо во время совещания, словно шаровая молния, и, перебив говорящего, вывалить свою проблему.

Имя Розы Марковны старались не упоминать лишний раз, свято веря в то, что это принесёт одни неприятности.

Однажды так вышло, что наша Скала не пришла на работу, и меня попросили заехать к ней домой и забрать важные документы. Я очень не хотел этого делать. Был уверен, что это какая-то западня, которую устроили мои коллеги. Однако, без нужных документов останавливался весь проект, и ехать мне всё же пришлось.

Всю дорогу к ней я думал как себя вести, чтобы не нарваться на грубость. Прежде чем войти в дом я остановился перед витриной магазина и внимательно оглядел себя. Рубашка заправлена, джинсы чистые, без современных дырок на коленях, свежевыбрит. Даже ботинки протёр салфеткой, чтобы уж наверняка. Думал: позвоню в дверь, скажу скороговоркой заранее приготовленное «Здравствуйте, Роза Марковна. Как вы себя чувствуете? Я за документами по последнему проекту. Красная папка с белой наклейкой. Спасибо большое. Я убежал», вынырну на улицу и облегчённо выдохну, если не начнёт отчитывать за... сам не знаю за что.

Позвонил. Дверь открыла женщина, в которой я едва узнал свою сослуживицу. Она преобразилась настолько, будто выпила обратное зелье с волосом прекрасной незнакомки. Даже голос у неё стал другим:

– Ах, Митенька, – защебетала она, а я искренне удивился, что она знает как меня зовут, – как хорошо что вы пришли. Да не стойте же вы на пороге, проходите в комнату, я вас без чая не отпущу!

Не зная, чего теперь больше бояться, прошёл в указанном направлении, присел к столу. Роза Марковна налила ароматный фруктовый чай в чашки с котятками, отрезала внушительный кусок малинового пирога и пододвинула мне.

Пока я ел, не переставала говорить.

– Ах, кто бы мог подумать! Бывают же ещё настоящие мужчины на свете! Вот и мой Георгий, прекрасный горец, мой первый рыцарь, сведший с ума гордую Гвинеvру, то есть меня, – подмигнула она, – сделал мне предложение. Зовёт к себе в Тбилиси. Уеду я скоро из России с любовью моей.

Я понимающе кивал. Вот оно как бывает в жизни. Ледяная Скала растаяла от яркого кавказского солнца. Влюбилась не на шутку. И сразу забылись все предыдущие ссоры и разногласия. Теперь, когда я видел перед собой эту помолодевшую, живую, радостную женщину, мне искренне хотелось, чтобы она была счастлива.

Первый Открытый Большой Прозаический Конкурс. Тур 1

Ловец теней
Джон Маверик

Я узнал, как ловить уходящие тени

– У тебя дом – развалюха и огород – метр на два, – говорила Кристина. – И ты собираешься привести меня в свою жалкую лачугу? Надо отстроить дом и прикупить земли. Я не выйду замуж за нищего.

Пауль вздохнул. Она права. Последнее время дела его шли из рук вон плохо. Когда-то ловля теней считалась выгодным занятием и люди, подобные ему, купались в роскоши. У теней красивый мех, легкий и серебристый. Вдобавок у многих из них вкусное мясо. Из теней насекомых делали ювелирные украшения и некоторые лекарства. У человеческих в подпольных клиниках извлекали донорские органы и выкачивали кровь, а кожу пускали на дамские сумочки.

Плохо только, что тень, как и душа, у каждого существа одна и, раз отнятая, не отрастает заново. За полстолетия люди обестенили планету, высосали из нее все соки, взяли все, что можно было взять. Не то чтобы мир сильно изменился. Лишенные теней существа летали и бегали, охотились и размножались. Не теряли ни цвета, ни живости, разве что выглядели плоскими. Детеныши у них рождались без собственной тени. Зато ловцов расплодилось столько, что на каждого теневого зверька – чудом уцелевшего – приходилось по десять охотников.

«Пусть мне повезет, – прошептал Пауль. – Ради моей любви». Он думал о Кристине, о ее синих, как лен, глазах. Но боковым зрением уже подмечал бабочку. Обычную крапивницу с ярким разворотом крыльев, но не плоскую, а трехмерную. Солнце обтекало ее, как вода. Тень у такой – драгоценная. Скатанная в шарик, она сверкает, как бриллиант, и стоит почти столько же. Поймать ее трудно, но Пауль умел. Надо сперва накрыть насекомое сачком, а потом, аккуратно придерживая летунью за крыло, оторвать от нее тень, как листок бумаги. Одно неверное движение – и тончайшая ткань рассыплется хрустальной пылью. И вот ее уже нет – осталось только легкое мерцание на пальцах. Красоту легко испортить, и в результате вместо вожеленных денег получаешь пшик. Очередную плоскую пустышку.

Бабочка села на ромашку и, развернув хоботок, погрузила его в желтую сердцевинку. На лепестках трепетала прозрачная тень, слегка вытянутая, с заостренными крыльями, чуткая и словно готовая каждую секунду вспорхнуть. Пауль затаил дыхание и начал медленно поднимать руку с сачком, одновременно делая шаг вперед. Неожиданно громко треснула ветка, и бабочка снялась с места, но не опустилась на соседний цветок, а полетела

прямо в небо. Все выше и выше, пока не обратилась крохотной блесткой и не растаяла в голубизне. Пауль проводил ее разочарованным взглядом.

«Может, и хорошо, что улетела, – утешал он себя по дороге домой. – Если не попадетсЯ другому ловцу, то следующим летом здесь появится целая стая таких, как она. А охотников будет все меньше. Многие из-за нужды продают свою тень и не могут больше ловить».

Действительно, ловцы без тени – все равно как слепые художники или глухие музыканты, ни к чему не пригодны. Они не видят объемно. Вот хотя бы Кристина, чью тень родители продали еще в детстве. Она не понимает, чем Пауль отличается от нее. Если он лишится тени, она и не заметит.

«Кристина не видит моей особенности, моего таланта, – думал он с грустью. – Она не станет ждать целый год. Выскочит замуж за того, кто побогаче».

«А может, ну ее, эту ловлю?» – спросил себя Пауль, и кровь бросилась ему в лицо. Все его приятели давно продали свои тени и разумно потратили деньги. Только он до сих пор держится за какие-то принципы. Как скупец, сидящий на сундуке с золотом, плачет, что ему нечего есть, так и он, имея в руках несметное богатство, живет в бедности. Все, хватит.

Вообще-то торговля человеческими тенями преследовалась по закону. Но на черном рынке можно было продать даже маму родную, не говоря уж о ее – или чьей-нибудь еще – тени.

Дома Пауль сразу прошел на кухню и выбрал самый большой нож для разделки мяса. Встав у окна, в луче света, он смотрел на тень, которая слабо шевелилась на полу, словно дышала. Потом склонился, точно в глубоком поклоне, и резко полоснул ножом. По телу прошла волна боли. Закружилась голова, и странно-пусто сделалось внутри. Как будто не тень он себе отсек, а вырезал из груди сердце.

А вот и она, рыдая, скорчилась у его ног. Маленькая, испуганная, жалкая. Пауль взял ее на руки и, бережно укачивая, понес на черный рынок.

– Тише, не плачь. Все хорошо.

Он лгал, конечно, но тень поверила. Всю дорогу она болтала, как ребенок, дышала Паулю в ухо и почему-то называла его папой.

А он шагал по пыльной дороге, и ему становилось все хуже и хуже. Он жалел доверчивое создание, которое нес на верную смерть. Жалел себя, опустошенного. Жалел весь этот алчный и продажный мир, сделавший его убийцей.

Но ведь еще не поздно остановиться! И пусть вдали уже маячат шатры черного рынка, он может вернуться в деревню, продать дом и уехать на край земли. Например, к морю. Купить лодку и стать рыбаком. Или еще кем-нибудь. На свете много разных мест, найдется уголок и для него. Пауль задумчиво помялся на перепутье и решительно повернул назад.

А как же Кристина? К черту Кристину! Обними меня крепче, малыш. Скажи еще раз «папа».

Овраг
Elena Che

Константин Бальмонт
Уходящие тени погасавшего дня,
Уже ночь наступила для уснувшей земли

Лесной овраг, глубокий и гостеприимный, привлекает богатством и щедростью. Сюда приходят люди, увлеченные тихой охотой, сюда спускаются зайцы и лоси – за корой и корнями, лисы и волки – за зайцами и мышами, мыши – за семенами и насекомыми...

Но скоро наступят сумерки, и оживление сойдёт на нет.

Сначала, наигравшись с гибкими веточками деревьев и их листвой, вдоволь натешившись властью над высокими, густыми травами опушки, затаится ветер.

Где он прячется? В паучьих ажурках, липко опутавших кустики бузины и крушины или расстилается сонно у корней осин?

Быть может, он повисает на стручках акаций длинным хвостом вниз? А что если он расстилает свой шикарный хвост на лесных кронах невидимой материей, скрадывая тени от всего живого, будто фокусник бросил платок на бездонный цилиндр, где спрятаны его чудеса? В овраге, как в цилиндре мага – черно и все чудеса всерьёз.

Бог леса угомонил свои живые музыкальные инструменты – пусть они, отлаженные звездными камертонами, на рассвете зазвучат мелизмами, руладами, орнаментами, сливаясь в свержоркестр.

Филин согласен с Владыкой лесным: «Угу... угу...», когда тот посылает его в ночной дозор.

Поднимается туман – пришло его время. Он будет клубиться в брожении, подобно кислой дымной браге, пока не настанет утро, и солнце не прошьёт его мириадами фотонов. А пока он сеет споры тайн, которые не разгадать никому и никогда...

Изредка вздохнет заблудившийся ёж: «Ой, боязно, ох, зябко...».

Бесшумно пролетит стайка мелких вампирчиков – ерунда, мелочь пузатая...

А где-то под старым вязом есть нора. В ней, укрывшись перепончатым плащом, принохиваясь в ожидании добычи, в полуанабиозе затаился Некто – голоден, терпелив...

Успей выйти из оврага до заката солнца!

Сонная сказка Алексей Кузнецов

*Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня*

Сны бывают разные. Они в этом смысле, как люди – у каждого свое лицо и отдельный характер. У нашего героя лицо и характер только формировались, потому что он был маленький. Мама звала его Соник. Она много раз говорила ему: «Не уходи далеко – потеряешься». Но Соник быстро вырос, всё реже слушался старших и в конце концов действительно потерялся. Причём днём, в худшее время для снов.

Ночные полноценные восьмичасовые сны обычно добры и благообразны. А вот дневной контингент составляют больше маргиналы, малкие авантюристы, хулиганы, да всякие недоросли вроде нашего потеряшки.

Каким же суетным и неудобным оказался мир! Светило солнце, дул свежий ветерок и спать никто не хотел. Так бы и летал Соник неприкаянным над городом, если бы случайно не залетел в трамвай.

23

Первым, с кем он встретился, был водитель, и Соник уже посчитал, что совсем неплохо устроился, как вдруг был ошпарен гадкой чёрной жижей.

– А-а-а! – закричал Соник.

– А, чёрт! – пробубнил водитель, спрятал термос с кофе и крепче вцепился в рычаги.

Бабушка на переднем сидении оказалась куда более приятным пристанищем. Соник очень постарался, показав ей всё лучшее, на что был способен.

Как же ругалась старушка, проснувшись на конечной станции! Кондукторша молча разводила руками, а лучший бабушкин сон, обиженный, горько плакал в сторонке.

– Ты кто?

Соник вздрогнул и перестал плакать.

– Мама зовёт меня Соник. Я потерялся.

– Ха-ха, а я сбежал.

Собеседник действительно не выглядел одиноким и потерянным.

– Мама зовёт меня Кошмарик.

– Значит, твоя мама – кошмар?

– Ещё какой!

– Страшная, наверное...

- Как сказать... – не смутившись, ответил Кошмарик, – Вот папа страшный, особенно в полнолуние. Я вырасту – тоже страшным стану.
- А я буду добрым. Каким лучше быть – добрым или страшным?
- Не знаю. Я добрым не был никогда.
- А я страшным.
- Зачем тогда бабушку обидел?
- Я не хотел!
- Хотел – не хотел, а полезного дела не сделал.
- Можно подумать, от кошмаров бывает польза!
- Хочешь, покажу?

Они оказались в парке, в самой дальней аллее. На лавке спал какой-то мужчина, и судя по всему без снов – просто был мертвецки пьян.

– Гляди! – промолвил Кошмарик и влетел пьянице в ухо.

Через минуту мужчина заворочался и застонал, потом проворчал что-то вроде «помогите, помогите» и прежде, чем упасть с лавки, всё же открыл глаза, отчего приземлился-таки на асфальт локтями и коленками, а не красно-синей физиономией.

– И приснится же такая дрянь! – прохрипел он, добавив ещё с дюжину словечек, которые Соник никогда раньше не слышал.

Рядом заходился смехом довольный Кошмарик.

– Ты видел, видел?

– Смешно. Но польза-то в чём?

Кошмарик посерьёзнул и пояснил:

– Кабы не я, этот субъект точно простудил бы почки, или у него украли бы кошелёк, или забрала бы полиция, или ещё какая пакость приключилась. А так он жив-здоров и идёт домой.

Трудно было не поверить в очевидное. Соник потом не раз вспоминал этот случай, и даже когда стал настоящим здоровым сном, любил добавить некую остринку – просто для куража, чтобы человек, проснувшись, тряхнул головой и промолвил:

– Ух ты, ну и сюжет!

А пока они с Кошмариком всласть похулиганили в кафе, кинотеатре, «турецкой» бане, побывали даже на заседании городской думы. Там же в одном из кабинетов Соник неожиданно увидел маму, которая пыталась присниться грузному дядьке, сидящему за огромным столом. Дядька отмахивался и рычал, хлопал себя по лысине, пытаясь сосредоточиться, так что Соник всё же сделал сегодня доброе дело, просто появившись рядом.

– Мама! – крикнул он.

– Соник! – крикнула мама, отвязавшись от дядьки – Я тебя весь день ищу!

– Я потерялся, а теперь нашёлся. У меня всё хорошо, и появился друг, зовут его Кошмарик.

Мама нахмурилась:

– А вот с кошмарами лучше не связываться, если хочешь стать хорошим, добрым сном.

– Но с ним так весело!

– Эх, глупый ты ещё, многого не понимаешь. Может ты и с настоящими кошмарами успел познакомиться?

– Нет.

– Вот и славно, и нечего с ними связываться. Учиться тебе надо, а не заниматься ерундой.

– Хорошо, мама. Кошмарик, я нашёлся! Кошмарик, ты где?

Но новый друг исчез так же неожиданно, как и появился.

– Хорош друг! – сказала мама, – Пойдём, я расскажу тебе, чем хорошие сны отличаются от кошмаров.

– Пойдём. Обещаю слушать внимательно и не перебивать!

– Да, Соник. К тому же наступил вечер, а скоро придёт ночь – самое время для таких, как мы. К сожалению, не только нам – добрым снам – суждено ловить «уходящие тени потускневшего дня», но что бы ни говорили всякие «друзья», люди никогда не променяют нас на кошмары, будь они хоть в сто раз полезнее нас.

Первый Открытый Большой Прозаический Конкурс. Тур 2

Мечта
Пелагея

Не передать, как я мечтал об этом дне. Ещё совсем маленьким я с восхищением смотрел на своего дядю, возвращающегося с охоты. О! Эти огромные болотные сапоги, похожие на мушкетёрские ботфорты, эта камуфляжная роба, пахнувшая болотом и приключениями, этот волшебный рюкзак с охотничьими трофеями. И ружьё! Самое главное, конечно, ружьё. Когда удавалось дотронуться до гладкого, полированного приклада двустволки, сердце моё замирало от счастья. Но более подробно обследовать заветное оружие у меня никогда не получалось – бдительные родственники, заметив мои поползновения, тут же прятали его в надёжное место.

А какими захватывающими были дядины рассказы о погонях, засадах, о хитрых зайцах и жутких клыкастых кабанах, о ночёвках у костра и бесчисленных охотничьих трофеях!

Надо ли говорить о том, что любимой игрой у меня была охота, а на свой восьмой день рождения я заказал... бродни. Родители пообещали выполнить мой заказ к восемнадцатилетию, а бабушка – замечательная внуколюбивая бабушка – всё же выискала самые маленькие, из имеющихся в продаже, болотные сапоги. И хотя даже они оказались мне велики, я при первой же возможности опробовал их в соседнем пруду.

И вот мне восемнадцать! Нетрудно догадаться, что к тому времени я уже обосновался на соответствующих сайтах в интернете, определился с выбором ружья и проштудировал «Охотничий минимум» – азбуку начинающего зверобоя.

Дядя твёрдо обещал взять меня с собой на охоту. Но только после нескольких тренировок – пристрелок под его руководством! Я был согласен на всё, лишь бы, наконец, осуществилась моя мечта.

К счастью, ждать пришлось недолго, и в начале ноября мы отправились охотиться на зайца. Выпавший накануне снег слегка прикрыл землю, и, хотя ветер уже успел сдуть белый покров с подмёрзших кочек, и они торжественно чернели, празднуя сиюминутную победу над наступающей зимой, всё же снежного покрова было достаточно, чтобы разглядеть на нём хитроумные петли заячьих следов.

Разумеется, первым заметил их мой опытный наставник:

– Смотри, какой большой зверюга пробежал здесь. Обрати внимание – посидел и – скок в сторону! Шалишь, нас не обманешь!

Дядя свернул вслед за зайцем, и мы двинулись дальше, кружась и виляя, не хуже самого косоногого. Заросли низкорослого кустарника, разбросанные по всему полю, как будто специально для укрытия серо-бурых русаков, не давали нам особой надежды на

удачную охоту.

– Ничего! – подбодрил меня напарник, заяц – зверь трусливый, чуть слышит шаги, и – бежать! Тут-то мы его...

Он не договорил, вскинул ружьё и – ба-бах! Теперь и я заметил мелькающего меж веток зайца. Ещё выстрел. Но ушастый, секунду покрасовавшись на вершине небольшого пригорка, успел скрыться за ним.

– Ушёл, – с сожалением подтвердил дядя. Да и немудрено! Ветки мешают как следует прицелиться. А ты тоже поглядывай, не зевай.

Я огляделся и на самом деле увидел зайца, стремительно мчащегося по белому, удивительно ровному участку поля.

– Стреляй! – крикнул дядя, уступая мне возможную добычу.

И я выстрелил. Как на учениях. С опережением, прижав приклад к плечу, заставив себя бережно, но достаточно быстро, нажать на курок. И попал! С первого выстрела попал!

Зверёк подпрыгнул, завертелся, закувыркался на одном месте и закричал...

Он кричал как человек, точнее – как ребёнок. Пронзительно тоненько и жалобно. Так плачут человеческие дети, когда им больно.

Ружьё я подарил дяде, охотничье снаряжение пригодилось для дачи.

И ещё. Я больше не могу слушать охотничьи байки, их заглушает плач маленького ребёнка.

Кто так?

Наталья Сафронова

– К... – Света вздохнула и перевела палец на следующую букву. Осторожно покосилась на лежащего на диване отца. Отец отложил газету, приподнялся повыше на подушке и взял стакан с чаем. В стакане плавали дольки яблока, отец сложил губы трубочкой, глотнул чай. Света тоже сложила губы трубочкой, выдохнула:

– О-о...

Отец поставил стакан с чаем на табурет, заглянул в букварь сидящей на детском стульчике дочери.

– Теперь читай обе буквы вместе.

Света передвинула палец назад:

– К...

Отец снова развернул газету, девочка посмотрела на заглавие, увидела знакомые буквы, те самые, которые тщетно пыталась сложить. Подумать только, какое совпадение! Робко сказала:

– Папа, у тебя тоже написана буква «К», и тоже большая. И маленькая «о».

– Что там у тебя? – снова отложил газету отец.

– Птица, как у охотников, – заметила Света. Над диваном висел гобелен с «Охотниками на привале». Один из охотников оживленно что-то рассказывал, а два других слушали его. Рядом на траве лежали убитые птица и заяц.

– У каких еще охотников? – отец сделал еще глоток чая, снова поставил стакан на табурет и повернулся на бок. Теперь отец и один из охотников на гобелене лежали как бы вальтом. Только у охотника лицо было веселое и доброе, и хотя он не смотрел на рассказчика, но внимательно его слушал.

– А еще там зайчик, – Света жалостно посмотрела на убитого зайца.

Отец взял карандаш и стукнул девочку по голове, не больно, но обидно.

– Читай давай! – и снова уткнулся в газету, водил карандашом по строчкам, что-то подчеркивал.

– О-о, – тоскливо протянула Света.

– Вместе читай, – отец ткнул дочь карандашом по лбу. У девочки выступили слезы, буквы поплыли перед глазами.

– К... – поперхнулась она, потом переставила палец и выдавила из себя, – о...

Отец сунул дочку носом в букварь:

– Вместе, обе буквы!

Девочка почувствовала, как слезинка выкатилась из глаза и потекла по носу. Она осторожно подняла глаза на охотников. Ей показалось, что они притихли, прислушивались к тому, что происходит в комнате.

– Ко-ко-о, – вдруг внятно и протяжно пропел рассказчик.

– Ко-ко, – повторила Света и посмотрела на отца.

– Ну, вот, умеешь, если постараться, – кивнул он. – Дальше давай!

– К... – девочка перевела палец, выдохнула и покосилась на охотников, ожидая подсказки.

Отец замер с карандашом в руках, а дочь съежилась. Ей показалось, что веселый охотник, который лежал вальтом с отцом, чуть приподнялся на локте и нахмурился. А самый молодой отбросил сигарету и привстал. Напряжение повисло в комнате.

– Ну? – не выдержал отец.

– Кто, – подсказал рассказчик, заговорщицки округлив глаза. – Кто так?

– Петух! – обрадовалась Света, ведь на картинке в букваре был нарисован петух. И снова получила карандашом по лбу.

Молодой охотник быстро встал, дал отцу подзатыльник и вернулся на свое место. Девочка вытерла слезы и увидела недоуменное лицо отца, приглаживающего волосы.

– Ладно, завтра продолжим, – буркнул он.

Светлана задумчиво посматривала как сын играет с дедом в шахматы. Ждет, когда дед сделает следующий ход. Дед берет одну фигуру, ставит на место, потом другую, замирает. Сын тоскливо оглядывается на мать: «Сколько можно?»

– Сколько нужно, столько и можно, – усмехается мать. Отец после инсульта плохой игрок, надо потерпеть.

Охотники на гобелене сочувствовали старику, кивали юноше:

– Надо потерпеть.

История одной картины

Алексей Кузнецов

«Хороший день. Нравится мне пасмурная погода, когда нет теней. Контуры чёткие, каждая травинка видна в подробностях. А воздух какой свежий! И почему большинство не любит осень? Кто это там, охотники, чи шо? Трое. Лопочут непонятно. Боже правый, какие уродцы! Хорошо, что взял этюдник, а не ружьё. Зарисовать надо – память такое точно не сохранит. А может, зря не взял ружьё...»

– Так вот, уважаемые. Летим мы, значит, с дружками в дальнем космосе. Скука та ещё. В иллюминаторах чернота. Уже и оружие сто раз перечистили, и байки все перетравили, а до планетки той, куда собрались, ещё столько световых лет, что считать никаких пальцев не хватит. И вдруг капука!

– С чего это капуке ошиваться в дальнем космосе? Там и жрать-то нечего.

– Да, помолчи ты! Дай сказать. Дальше что?

– Жрать нечего, да. Наверное, поэтому она и была такая злая. Слюной в иллюминаторы брызжет, куснуть хочет.

– Неужели такая большая, что на космолёт кинулась?

– Большая – не большая, а антенну отгрызла. Капуки – они, когда голодные, с ума сходят, астероид готовы проглотить и приставучие, сил нет. Так значит, вместе с отгрызенной антенной исчезла и вся наша скука...

30

– Смотри, в кустах кто-то есть!

– Ба, да это местный! Что он там делает? Фотографирует, что ли?

– Нет, фотографы с фотоаппаратом, а этот с этюдником... этюдничает, хи-хи.

– Художник! Точно он. Эй, сударь, дичи хочешь? Зайка есть, уточка!

– Молчит. Наверное, не хочет.

– Ну, тогда мы это... кх-кх-кх...

– Ты зачем газы выпустил? У него ж амнезия будет!

– Так с ними и надо. Наэтюдничает опять... Ты наши индейские портреты видел? Ужас! Художники хреновы...

– Ладно, посидели и хватит.

– Подожди! А дело-то чем кончилось?

– Чем-чем... В морду гиперлазером, и отстала она.

– Вот бы на такую тварь поохотиться! А то здесь мелочь одна.

– Зато близко и климат приятный. На выходные в самый раз.

– А местные не обижают?

– Нет. Она не принимают нас всерьёз, думают, что мы – видения... или привидения, как-то так.

– Они сами, между прочим, заядлые охотники – хлебом не корми, дай пострелять.

– А-а...

«Где это я? Из дома рано вышел, а вечереет уже. Странный этюд у меня получился. Когда я его нарисовал? Ничего не помню. Куклы какие-то... Ах,

да – охотники! Очень необычные. А сюжет неплох. Может получится стоящая картинка. Назову «Охотники на привале». Надо бы только натурщиков справных найти. Хороша идея! Веди-ка, тропиночка, домой, стемнеет скоро, не очень весело будет дорогу искать под звёздами.

Первый Открытый Большой Прозаический Конкурс. Тур 3

Линия жизни Милана Секоненко

В одной артели много лет работал талантливый мастер Прохор. Что ни сделает – кувшин или вазу, получалось всем на диво. Руки золотые были, а характер скверный. Радоваться не умел: ни старым товарищам, ни новому дню. Пришли как-то раз в мастерскую гости на экскурсию. Зеленоглазая старушка больше всех дивилась и вопросы задавала, что да как делается, где глину добывают, как температуру в печи поддерживают. Посмеивались мастера, друг на друга посматривали. Вот любознательная какая выискалась! Но отвечали обстоятельно и вежливо. Один Прохор набылчился и молча, с остервенением кусок глины мял. Старушонка подошла к нему с вопросом, а он шмякнул кусок на стол, сверху с силой руку приложил, да так, что чёткий отпечаток линий ладони остался на поверхности глины. Наклонилась гостя линии рассмотреть, выпрямилась и говорит: «Незавидная у тебя, мастер, судьба. Ум – короток, а линия жизни вообще не в ту сторону ведёт». И словно в воздухе растаяла.

32

Прошёл год, другой. Прохор совсем озлился, всё стало из рук валиться. Изделия получались некрасивыми, при обжиге посуда растрескивалась, эмаль неровно ложилась. Перестали его товар на ярмарках выбирать. А сам гончар словно изнутри почернел. После особо крупной неудачи разбушевался, заготовки смял, готовую посуду с фирменным клеймом в черепки разбил и, не попрощавшись, отправился куда глаза глядят. Долго ли коротко шёл, пришёл к ручью, студёной воды напился, спиной к берёзе прислонился и уснул. Проснулся, дороги не видно, волчьи глаза повсюду мерещатся. Чуть рассвело, по мостику ручей перебежал и по тропке зашелестел. Идёт, голову не поднимает, думу думает. Не заметил, как посередине поляны очутился. А тропинка закончилась. Хотел поворотить, да ёлки дорожку скрыли. Стал Прохор метаться, искать выход, но какое направление ни выбирал, всё казалось, что лес гуще становится. Так и бегал по кругу. Будто в западне оказался.

Когда почти до смерти утомился, филин прилетел, на еловую лапу сел, посмотрел на Прохора, затем в ельнике скрылся. Сороки через поляну полетели за филином. Тогда Прохор в ту же сторону отправился. Вскоре очутился он у низенького дома. На крыльце седая женщина сидела, кота гладила. Узнал Прохор в старушке зеленоглазую гостью. Поздоровался небрежно, спросил её, как выбраться из леса. Тут кот заговорил: «Ты бы три раза поклонился, а потом дорогу спрашивал!» «Сроду никому не кланялся!» «А иначе наша хозяйка тебя не отпустит! Здесь всё ей принадлежит: горы,

озеро, лес. Захочет, закрутит на поляне, как на гончарном кругу. Захочет, отпустит подобру-поздорову».

Решил Прохор побыстрее отделаться, наскоро, три раза в пояс поклонился. Старушонка по-доброму усмехнулась. Кот с её колен соскочил, прыгнул в открытое окно и около кувшина улёгся. Хозяйка с крыльца спустилась, к Прохору обратилась: «Добрый мастер, отпущу тебя, покажу дорогу, помоги только медную ящерку сыскать. Мышка лесная в дом забежала, хвостиком махнула, чеканный кувшин опрокинула. От удара откололась от кувшина ящерка и убежала в окошко». Подивился мастер просьбе, но пообещал найти пропажу. Только боязно в глухом лесу одному бродить. Филин на помощь ему полетел. Заплутает Прохор, а филин тут как тут: ухает, дорогу показывает.

Поначалу гончар не мог ни одной ящерицы увидеть. Наконец показалась ему на глаза серая с узорчатым рисунком. Прохор её словил, хозяйке принёс. «Нет, мне обыкновенная не нужна, пускай себе по лесу бегают!» – отвечала старушка. Пошёл в другой раз до озера. В воду прыгнул, к острову поплыл, серебристую ящерку приманил. Идёт обратно, рассуждает: «Эта – точно необыкновенная, вон как на солнышке чешуйки поблёскивают!» Но и эта ящерка не подошла. В третий раз решил Прохор в горах искать. Филин на опушке леса остался, а гончар на гору поднялся. Отыскал на вершине ящерицу с золотистой чешуёй. Куда уж лучше! Принёс, но и эту старуха не приняла. Так и ходил день за днём: то изумрудную найдёт, то бирюзовую, а медной всё не попадалось.

Характер у него помаленьку менялся. Научился Проша замечать простое, обычное: ветер, солнце, зверей да птиц. Голову прямо стал держать, полной грудью дышать. А когда научился радоваться новому дню, повстречалась ему махонькая медная ящерица. Сама на протянутую ладонь юркнула и сидела смирно, пока хозяйке нёс. Та красавицу приголубила, поднесла к раскрытому окошку. Малышка на подоконник перебежала с ладошки, на посудину забралась и замерла: один в один смотрятся – кованный кувшин, на нём медная ящерка с янтарными глазами. Сбегал Прохор на поляну, принёс хозяйке в подарок васильки. Поставила она их в кувшин. Кот с филином не налюбуются. Красота!

Обратилась старушка к Прохору: «Добрый малый, дай-ка я на твою ладонь взгляну!» Мастер руку подал, ждёт, что хозяйка скажет. А та ему: «Линии стали длинными да ровными. Отпущу тебя теперь, Проша!» Тут за домом ёлки расступились, показалась дорога, вдаль уходящая, над ней – небо с лёгкими облачками и солнце ласковое. Попрощался сердечно гончар со

старушкой и её домочадцами и пошёл по открывшемуся ему пути. И так хорошо ему было!

Сказка о царице Зиоме

Marara

Было это давным-давно. О зиме или осени в наших краях тогда никто и не слыхивал: землю покрывал сплошной вечно-зелёный сад, а в синем небе летали не только птицы, но и драконы. Драконы с людьми издревле ладили, а почему бы и нет? Зверья в лесу было видимо-невидимо; рыбы в реках – не меньше, чем волн, добычи – на всё хватало: и семье на пропитание, и драконам – в подарок, а драконы за это людей от любых недругов защищали. Силищи-то у драконов немерено: в небесах парят, огнём дышат, никто против них не устоит. Драконов, впрочем, к тому времени в наших краях почти не осталось, но в горах жила одна молодая дракониха, с которой наша царица Зиома неплохо ладила.

О царице Зиоме много чего хорошего говорили: и хозяйка она рачительная, и правительница справедливая, и мать – лучше не сыщешь: свою дочь не балует, всему учит, за всем следит. Не зря же дочка её умницей да красавицей выросла – глаз не отвести! И со всеми царевна приветлива, ласкова, неважно ей, кто перед ней: заморский царевич, или простой человек. Люди бают, что дракониха царицу тоже как родную матушку любила и почитала. Зиома, по слухам, совсем молодой правительницей была, когда охотники ей в подарок принесли крохотного дракончика – подранка. Царица бедняжку целебными отварами из трав отпоила, выходила, на ноги, то бишь, на крылья поставила, языку человеческого обучила, а потом в горы выпустила. И с тех пор никто нашему народу не был страшен: дракончик вырос в грозную дракониху, защищавшую наши уголья лучше любой армии. Каждый месяц в горы к драконихе отправлялся обоз с дичью, и у пещеры, где она жила, начинались праздничные гулянья. Парни и девушки подбирали с земли золотые драконьи чешуйки, песни пели, хороводы водили. Да и сама царица Зиома приезжала, с любимицей своей беседовала, травяными настоями её поила. В травах царица Зиома хорошо разбиралась, да и колдовать умела, не хуже иных волхвов.

Так бы все и дальше шло, да настала пора молодой драконихе семью создавать, детей заводить. А где ей, бедолаге, пару себе найти? Никаких драконов, кроме неё в округе уже не водилось; она только людей видела и помнила, потому и в будущие мужья человека искала. Положила она глаз не на замухрышку какого-нибудь, – на самого удачливого и бесстрашного охотника, не раз у её пещеры плясавшего, да и потребовала его себе в женихи. Может верилось ей, что царица Зиома сумеет человека в дракона превратить своими колдовскими снадобьями?

Ну да парень вовсе не хотел в дракона превращаться. Он давно уже с молодой царевной пылкими взглядами перебрасывался; просто никто на это внимания не обращал. Но когда его к драконихе в мужья прочить стали, он нашёл возможность и объясниться со своей избранницей, и умыкнуть её из

под самого носа стражи и домочадцев. Никто этого не ждал: царевна послушной была, никогда никому ни в чём не перечила. А тут – голову от любви потеряла, сбежала от любимой матери! Затаились молодые в какой-то дальней норе, а кто найдёт лучшего охотника в округе!

Когда дракониха узнала, что суженный её с другой убежал, да где-то затаился, она от обиды и горя – как в уме повредила: хвостом забила, огнём начала по лесам окрестным плескать. Такое пожарище пошло бушевать по округе, – ничем не остановишь. Народ в окрестных реках и озёрах спасался – всё выгорело: и дома, и дворцы. А царица Зиома во время бедствия ушла в дальнюю пещеру ворожить, зелье колдовское варить. Как без него к обезумевшей от несчастливой любви драконихе подступиться? И сварила таки царица за пару месяцев остужающее страсти зелье, не знаю уж чего она в него намешала: может травы, а может свет далёких звёзд, – он ведь холодный, не то, что солнечный... А потом с полной чашей волшебного напитка подошла Зиома к своей крылатой воспитаннице, уговорила отхлебнуть глоток-другой. Глотнула дракониха колдовского зелья, остыло её полыхающее гневом и болью сердце. Огонь, который из пасти её вырывался не жаром, а холодом стал жечь; чёрные, опалённые стволы заледенели, пар, поднявшийся в небо снегом обернулся, землю засыпал. А царица Зиома стала зубы драконихе заговаривать, колыбельную затянула, и пела ещё месяца три, пока дракониха в пещеру не заползла, не заснула. Драконы, когда они спят, огнём не дышат – ни горячим, ни холодным. Всё вокруг оживать начало: снег сошёл, трава то тут, то там зазеленела, не сгоревшие ветки деревьев зацвели. Увидела Зиома, что обычная жизнь возвращается, и рядышком с драконихой спать легла: любая колдунья столько петь колыбельные устанет.

Всё бы хорошо, но одна беда: дракониха не вечным сном спит. Раз в году она непременно просыпается, вспоминает о своей неутолённой страсти, начинает слёзы лить и холодным пламенем дышать. Листва на деревьях становится медной, а после и вовсе опадает. Снег землю покрывает, а тут и царица от холода просыпается – колыбельную запекает. Так оно и идёт по кругу: Зима – Весна – Лето – Осень. Раньше всегда лишь лето было.

А про охотника с молодой царевной никто с тех пор ничего не слышал. Видно, убежали они в дальние края, завели семью и счастливы.

Монетка

Ольга Альтовская

На пустыре, недалеко от нового дома, стоял синий вагончик для рабочих. Пока шла стройка, он был нужен. Но дом построили, заселили, рабочие ушли, а вагончик остался. Может, его сочли негодным, может, забыли?.. И стоявший без дела вагончик заметили и обжили местные мальчишки. Там они собирались после школы, решали важные дела. Туда приносили свои трофеи, всякий хлам, который находили поблизости. На пустыре остались горы строительного мусора, и чего там только не было! Железки, битая плитка, обрывки обоев, банки из-под краски, бутылки, верёвки... Мальчишки находили среди этого хлама всякие интересные штуковины и притаскивали в свой штаб, а потом все вместе решали, что куда можно приспособить, где что может пригодиться.

Ребята были все из нового дома и примерно одного возраста. Они приехали из разных районов, но теперь ходили в одну школу и быстро подружились. А Серёжка – они его называли Серым – был у них за главного. Строгий и справедливый, он был на год старше, и его слово всегда было решающим. И был среди них Митяй – ростом маленький, тихий, но нормальный пацан. Ему всегда в играх доставались роли неудачников и недотёп. Но Митяй не ныл, не жаловался и спокойно относился к такому распределению – понимал, что кому-то же нужно играть эти роли. И пусть это будет он.

Однажды Митяй нашёл на пустыре монетку – старый пятак. Он мог оставить его себе, но честно принёс в штаб и показал ребятам.

На медной поверхности с одной стороны был изображён герб с надписью «СССР», а с другой – «5 копеек» и «1924». Серый решил по справедливости: подбросить монетку – и, если выпадет орёл, то Митяй может оставить пятак себе, если решка – он останется в штабе для общего пользования.

Митяй подкинул. Монетка, упав на пол, закрутилась и улеглась. Орёл! Но Митяй отказался взять её себе. «Мне не надо. Пусть будет для всех», – сказал он. Так монетка осталась в штабе. И ею стали пользоваться, чтобы разрешить споры, определить водящего в играх. И как-то так получилось, что теперь уже не Серый решал, а монетка: что кому делать; кто прав, а кто виноват; кто играет, а кто нет, и кто победил. Стали даже её спрашивать, кто умнее, какая машина круче, чья мама красивее, чья классная класснее!

Но, что странно, монетка всегда ложилась так, как загадывал Митяй, будто подыгрывала ему. Например, спрашиваешь её, что вкуснее – колбаса или мороженое? Митяй считает, что мороженое, а Кирилл – что колбаса. Митяй загадал решку – и монетка легла решкой вверх. Хотя Кирилл точно знал, что вкуснее колбаса! Или спорили, где лучше провести каникулы: в деревне или в городе? Митяй считал, что в городе, и загадывал: «Мой орёл!». И монетка ложилась орлом кверху. И ребята заметили эту странность. Получалось, что Митяй всегда оказывался прав. И оттого, что он всегда прав, Митяй стал

грубить ребятам и начал командовать. Если кто-то был недоволен им, он подкидывал монетку, а потом говорил: «Вот видишь, как легла? По-моему вышло! Значит, опять я прав, и надо слушать меня!»

Серый перестал приходить в вагончик. «Если я вам не нужен, то и живите со своей монеткой!» Ребята стали ссориться, ругаться. Сердились на Митяя, даже хотели его отдубасить. Но потом просто перестали собираться, и постепенно штаб опустел. Митяй несколько дней приходил один, сидел там, скучая, ждал, что

придут друзья. Но никто не появлялся. Он подбрасывал монетку: придут – не придут, он главный или нет? Выходило, что придут и он главный, а друзья всё не шли...

И стал Митяй думать, почему так получилось? Всё было хорошо, все дружили, Серый был главным и справедливым, и его, Митяя, не обижали. И всем было интересно, для каждого находилось место в штабе. Что же случилось?

И он понял, что всё началось с этой монетки. Это она вдруг стала главная. Она, как хозяйка, стала распоряжаться, решать и командовать. И в результате всех перессорила и разогнала.

«Ах так! – подумал Митяй. – Причина в тебе? Вот и отправляйся туда, откуда пришла! Там команду!» Он вышел из вагончика и забросил монетку далеко-далеко в сторону свалки. А назавтра встретил Серого в школе и сказал: «Прости. Я был неправ. Монетки больше нет. Приходите, пожалуйста».

И всё наладилось. Ребята снова стали ходить в вагончик, стали играть, у каждого снова была своя роль и место в играх. А монетка закатилась на свалке под обломки бетонной плиты и стала ждать других дурачков, которые станут ей верить. Она до сих пор где-то там валяется...

А Серый потом говорил: «Зря ты её выбросил. Она тоже может приносить пользу. Её хорошо к синякам прикладывать, чтобы скорее прошли». Но ребята его не поддержали: «Хорошо, что выбросил. От греха подальше. А синяки можно лечить и лопухом. Поплевать на него и прилепить. Здорово помогает!»

Купорос

олдшуз

В некотором государстве жил да был приёмщик металлолома. Нет... собиратель лома. Или металлист... короче, металлоискатель. Звали его Купорос. Купорос собирал стальной и чугунный лом, медь, алюминий, и если идти дальше по списку того, что он тащил в свой маленький домик, то можно перечислить половину периодической таблицы Менделеева. Кроме того он лечил людей и животных. Причём делал он это при помощи всего лишь одного, очень эффективного снадобья – голубой медной воды. Секрет выработки лекарства передавался в семье из поколения в поколение, а сырьём служил медный хлам, запасы которого не истощались в результате профессиональной деятельности Купороса.

Надо сказать, что в том некотором государстве, медицина была в эмбриональном состоянии, а лечением занимался кто ни попадя и врачевали чем попало. Парикмахеры лечили окуриванием дымом сожжённых волос, плотники совали в руки страждущему осиновое полено и бормотали: – Держись за дерево – изыйдут бактерии. Держись за осину – исчезнут токсины... А, например, стражники исцеляли наложением рук, в которых, правда, иногда, оказывалась секира или боевой топор.

И вот однажды, как всегда это бывает в некоторых государствах, у местного короля заболела дочь. Смертельно! К слову сказать, все принцессы – довольно болезненные существа, и есть подозрение, что эта их болезненность – всего лишь бессознательный способ выйти замуж за своего исцелителя.

Полетели во все пределы государства гонцы, заглашатаили на перекрётках: – Кто вылечит дочь короля, тому по старой доброй традиции вручается не только сама принцесса, но и половина некоторого государства в денежном эквиваленте...

Господи... бедная дочь короля! Чем её только не лечили. Принцессу заставляли читать глупые мантры на убывающую луну, лёжа во свежевспаханной борозде. Её сажали нагишом в бочку, наполненную забродившим гороховым супом, при этом давали читать вслух таблицу Брадиса, в той её части, где определяются котангенсы от 15 до 90 градусов. А один повар скармливал принцессе жареный во фритюре из нефти молодой картофель, выращенный на северном склоне священной горы Заголяй, квадратно-гнездовым способом.

Но тщетно. Принцесса сохла, увядала, несмотря на квадратно-гнездовые способы, котангенсы и убывающую луну. Но Купорос, с его чудодейственным голубым лекарством, к ней не пошёл, так как был женат, и вторая хозяйка ему была не нужна. А разводы он не приветствовал. И принцесса умерла. Вот так молодая девица, она же потенциальная королева-мать, пала жертвой института семьи и брака. Тут и сказке конец.

Так бы я мог закончить свой опус, если бы писал в духе соцреализма. Была такая мода издеваться над читателем. Добро побеждает, и тут же погибает вместе со злом. Но я своего читателя люблю и на растерзание соцреализму и всяким там институтам брака, конечно, его не отдам. А посему...

... Дождавшись провала конкурентов-лекарей, Купорос двинулся во дворец. К тому времени королевская семья и свита была в отчаянии – поток врачей иссяк, а принцессе всё хуже. Поэтому на Купороса молились, как на священную гору Заголяй. И не зря. Ведь голубая медная вода – это вам не бочка с прокисшим супом. Это ж наука! Алхимия!

Посмотрел Купорос на больную и покачал головой. Совсем плоха. Тут терапевтической дозой не обойдёшься. Лошадиная нужна.

В общем, капнул Купорос принцессе в правую ноздрю голубой медной водой – порозовела девица. Капнул в левую – поголубела, да так голубой и осталась.

Тут глянул Купорос на её неземную голубизну и, не сходя с места, влюбился! И закипела в нём кровь, как если бы... взять серы жёлтой, да селитры бурой и сжечь их в кувшине, что стоит в воде. Так получишь тяжёлого масла, которое следует отлить в кувшин чистый, да бросить туда же чёрной окалины медной, да нагревать осторожно, пока не ляжет на дне грязь серая. А потом иди к источнику у священной горы Заголяй, и как водой родниковой омоешь ту грязь, то и получишь воду голубую целебную...

40

Принцесса тоже посмотрела на Купороса, да и засмеялась радостно. Потому что засмеёшься тут, когда из свежевспаханной борозды во свежевырытую могилу чуть не угодила.

А тут и денежный эквивалент подоспел... две телеги золота. Но Купорос с принцессой золото тратить не стали. Так... по паре горстей зачерпнули. А на все остальные средства организовали в своём некотором государстве бесплатные поголовные прививки голубой медной водой. И постепенно всё население некоторого государства стало не только здоровым, но и голубым. Получилось очень оригинально и красиво.

Вот тут вам, читатель, и хэппиэнд! А кто прочёл – интеллигент!

Пы.Сы. Голубую медную воду, с тех пор, стали звать Купоросом, в честь героя нашей сказки. Это уже потом ушлые химики к его славе примазались...

II. ТАУКиТА

Планета ТАУКиТА – это особенная планета Тематических Авторских Уникальных Конкурсов и Творческого Авангарда.

Любой зарегистрированный на Литгалактике автор с разрешения экипажа может объявить за свои космобаллы собственный мини-конкурс на любую тему.

Прозаические конкурсы планеты ТАУКиТА:

55-словники – анонимный конкурс классических 55-словников.

Реальные события, случаи, факты – конкурс прозаических произведений, которые основаны на реальных событиях, случаях, фактах.

Необычные конкурсы – конкурсы, в которых побеждают не авторы, а участники, которые делали заявки на «чужие» произведения, набравшие больше всего голосов:

Стыковка (авторский конкурс Алексея Лиса) – смешанный конкурс стихотворений и прозаических произведений.

Цепочка (авторский конкурс Алексея Лиса) – смешанный конкурс стихотворений и прозаических произведений.

55-словники

Выросла

Наталья Сафронова

«Дорогой Дедушка Мороз! Я думала, что уже взрослая, и отдала свои игрушки Даше. Дедушка Мороз, верни мне хотя бы Миньку!»

Маша долго украшала письмо снежинками. Сосредоточенно размышляла о чем-то. Потом взяла другой лист и написала: «Дорогой Дедушка Мороз! Не отнимай Миньку у Даши, она еще маленькая.» Нарисовала медвежонка и подписала «Минька». И снежинки тоже нарисовала.

Звонок

Алексей Лис

– Алло! Станислав, вы меня не знаете, но не бросайте трубку! Это очень важно! Нет, это не реклама. Я видела вашу картину на выставке. «Портрет незнакомки». Понимаете, это я. Я – ваша незнакомка! Да нет же, я не сумасшедшая. Ну что я себя не узнаю? Каждый день себя в зеркале вижу. Станислав, прошу вас – нарисуйте меня счастливой...

42

Виртуальный роман

Ольга Альтовская

Их разделяли океаны. Он – инвалид с ДЦП, она – пенсионерка, общались в интернете, избегая визуального контакта. Выдуманные имена, выдуманные судьбы. На фото – брутальный Вадим, симпатичная брюнеточка Вера. Общие интересы, стихи, музыка...

Она врала: едет в Ялту.

Он – что видел там её в синем платье на набережной. Постеснялся подойти.

У неё нет синего платья.

Впрочем, какая разница.

Реальные события, случаи, факты

Не такая, как все
Наталья Сафронова

Каждая женщина мечтает, чтобы мужчины слепли от ее неземной красоты, но если вам не хочется при этом потрясти земной шар, чтобы они упали именно к вашим ногам, то с вами все в порядке. А вот если мысли о том, что вас обделили любовью, не дают вам спокойно жить, значит, вам есть, над чем задуматься.

Женька не должна была родиться, ее не ждали. Так бывает, что родители уже собираются разводиться, но при этом случайно зачинают ребенка. Сначала случайно зачали, потом случайно оставили жить. Но когда увидели, что у новорожденной девочки нет левой кисти, не хотели забирать из роддома. Однако акушерка заставила мать приложить дочку к груди, и женщине нежной жалостью обдало сердце... Мать поняла, что не сможет разжать руки и бросить малышку на произвол судьбы. Муж не забирал их из роддома, рождение ребенка-инвалида только утвердило его в решении уйти от жены. Мать принесла девочку домой, как найденыша, в тряпках. Муж ушел, а Женька появилась. Общее количество членов семьи осталось прежним. Мать смотрела на дочку, думала:

– Вырастет, ничего... А этот все равно ушел бы... Пусть живет девочка, ничего...

Женька с раннего детства, в любую жару, носила платья с длинными рукавами, чтобы отсутствие кисти на левой руке не бросалось в глаза. Однако замечали. Женьке всегда казалось, что на нее смотрят как-то особенно. Она говорила о себе: не такая, как все. Вот если бы у всех не хватало одной кисти, то «не таким» казался бы полноценный обладатель обеих рук, несмотря на явные его преимущества. А так из общей массы детей выделялась Женька. Дети жестоки, не принимают в свои ряды того, кто на них не похож. И Женька чувствовала себя белой вороной в стае черных. Белым кричащим пятном, на которое нельзя не обратить внимания и не посмеяться, не ущипнуть, не дать тычка. Что взять с детей, если деликатностью не отличаются и взрослые. Сколько Женька встречала притворно-сочувственных и откровенно любопытных взглядов!

А однажды ей пришлось полдня простоять в углу в детском саду, потому что она не сумела зашнуровать ботинки. Она осталась без прогулки, без обеда, сна и ужина. Пока за ней не пришла мама и не забрала ее, зареванную, из садика. Дома мать долго учила Женьку справляться со шнурками, придерживать шнурок култей и завязывать бантик пальцами правой руки. Женька сопела от злости, но повторяла это несложное для двуруких

движение бесчисленное количество раз, пока не научилась. А на следующий день девочка зашнуровала ботинки всей группе. Разъяренная Женька просто не выпустила никого на улицу, не дав мастер-класс по шнурованию ботинок. Напоследок она подошла к воспитательнице, той самой, которая поставила ее в угол, и развязала шнурки на ее ботах. Сначала развязала, а потом завязала. – Я могу! – заявила девочка и посмотрела воспитательнице прямо в глаза. Неумная гордыня обуяла Женьку. «Я сама» – стало ее излюбленным выражением, после случая со шнурками она никому и никогда не позволяла ни пожалеть себя, ни помочь.

В школе первоклашка Женька подралась в первый же день, когда дети окружили девочку и уставились на ее руку:

– У тебя руки нет?!

– Есть! – Женька подняла вверх свою культю. И кинулась на первого же, кто посмел в этом усомниться. Она дралась со всеми, кто не успел отскочить от нее: кусалась и лягалась, и царапалась. Когда в класс вошла учительница, то увидела растрепанных, в разорванной школьной форме, исцарапанных детей, сбившихся в стайку, и Женьку напротив с чьим-то клоком волос в правой руке. Больше никто и никогда не смел над ней смеяться.

И тем не менее, Женька прилагала невероятные усилия, чтобы быть, как все. На физкультуре она занималась в общей группе здоровых детей. Прыгала через козла и подтягивалась на турнике на одной руке, играла в волейбол, ловко отбивая мяч. Сказать, что это давалось ей огромным трудом – значит, не сказать ничего. Для того, чтобы сдать стандартные нормативы физкультурнику, девочке приходилось часами заниматься в спортивном зале после уроков. Учитель разрешал ей заниматься, ему нравились упрямые:

– С таким характером ты могла бы стать хорошей спортсменкой, Женька.

– Могла бы, – кивала в ответ девочка. – Я много могу, мне просто чуть-чуть труднее, чем другим. Но в итоге у меня все получается куда лучше, чем у многих, потому что я не даю себе спуска.

Она отлично училась по общеобразовательным предметам, с ней советовались успешные ученики и просили списать троечники. Женьке это доставляло удовольствие. Она занималась не из любви к знаниям, а для того, чтобы быть лучше всех. Если раньше она хотела быть незаметной, то теперь всеми силами старалась обратить на себя внимание. Женька все равно выделялась из общей массы одноклассников, но хотя бы со знаком плюс.

Характер у Женьки был колючий, она напоминала кактус, который никому даже в голову не придет погладить, но если вдруг кто-то случайно заденет его – долго потом вытаскивает занозы из ладони. Женька, как ежик, ощетинивалась иголками при малейшем движении ей навстречу. Она страдала бы гораздо меньше, если бы не размышляла так часто о несправедливости. Девочка спрашивала:

– За что? – она не знала, кому именно задает этот вопрос – кому-то, ответственному за высшую справедливость. Порой Женьке снилось, что во сне у нее выросла кисть, и, просыпаясь, она с недоумением рассматривала свою культю, словно не веря, что ничего в ее жизни не изменилось.

Ровесники с Женькой не дружили, но она делала вид, что и не нуждается в этом. Дома мать тоже не находила с ней общий язык. Они не чаевничали вместе вечерами и не вели долгие разговоры перед сном. Женьке нечем было поделиться с матерью. Мать знала, что ей будет нелегко с необычным ребенком, но не ожидала, что настолько тяжело.

В подростковом возрасте, когда девочки стремятся нравиться мальчикам, мать озаботилась тем, чтобы найти дочери поклонника. Все подруги матери были озадачены сердечным одиночеством Женьки и нашли ей пару: такого же, как она, мальчика без левой кисти. Казалось бы, они должны были понимать друг друга и общаться без проблем. Однако Женька смотрела на мальчика, как на свое отражение в кривом зеркале. У юноши были слишком заискивающие глаза, он слишком хотел нравиться, и этим не нравился девочке категорически. Когда он попытался поговорить с Женькой по душам и сказал:

– Нам просто немного труднее, чем всем, – Женька повернулась к нему спиной и убежала. Он размышлял как будто о том же, что и сама Женька, но до чего жалко выглядел при этом!

– Никогда не буду общаться с инвалидом, – сказала девочка матери.

До этой минуты она только не позволяла смеяться над собой и жалеть себя, ибо и в жалости чувствовала насмешку. Теперь же она хотела нравиться, но Женька не собиралась просить любви – она ее требовала.

Сначала Женька подружилась с самыми красивыми девочками класса, а потом у самых-самых красивых пыталась отбить парней. Иногда ей это удавалось, пусть и ненадолго. Причем мальчики часто не замечали отсутствия у Женьки левой кисти, она прикладывала много усилий, чтобы скрыть свой дефект. Понятно, что до поцелуев дело не доходило, тогда Женькин секрет непременно раскрылся бы. Но тем загадочней и желанней была Женька, все непонятное и ускользающее притягательно. Однако Женькины подружки непременно сообщали мальчикам, что Женька – инвалид, из лучших побуждений, разумеется. Тем не менее, Женька после каждой дискотеки рассказывала девочкам о новом поклоннике. Гибкая и сильная, она хорошо владела телом и с удовольствием танцевала в ночных клубах. Мать разрешала ей приходить домой поздно, Женьке многое позволялось, больше, чем другим. Женька курила в компании, правда, без особого удовольствия. Мать чувствовала запах табака, однако не ругала дочь. Она боялась что-то не так сказать, задеть ее болезненное самолюбие и совсем потерять общий язык с ребенком. Случалось, что девочка надолго

замыкалась в себе, уходила из дома, ночевала у подруг. Мало ли что она не ладит с ними, для того, чтобы наказать мать – все средства хороши.

Однажды после танцев Женьку провожал новый мальчик, вернее, она поначалу так подумала, что он ее провожает. Однако когда они дошли вместе до автобусной остановки, он попрощался с девочкой. Женька остановилась и еще некоторое время непринужденно болтала с ним, хотя она не соображала, о чем именно говорит, словно это не она произносила слова, она только смотрела на мальчика, втягивала его в себя взглядом, не отпускала. А потом бежала за автобусом, не в силах перестать видеть своего нового знакомого. Когда автобус скрылся за поворотом, Женька присела на корточки и бессильно заплакала. Она не плакала ни разу после того, как в садике ее наказала воспитательница за незашнурованные ботинки. Женька отрастила такую броню, сквозь которую боль не просачивалась и не проникала в душу. И только сегодня этот мальчик, сам того не желая, заставил Женьку почувствовать сердечную боль. Он шел с ней после дискотеки и дружески беседовал. Просто товарищ, а Женька хотела ему нравиться. Он не пожелал проводить ее до дома, и девочка восприняла это как оскорбление. При этом он был так обаятелен, что Женька не могла отвести от него взгляд, не могла не слышать его голос.

Женька прометалась в постели, не сомкнув глаз до самого утра. А на следующий день проявила чудеса дипломатической хитрости и выведала у подружки все о понравившемся ей мальчике и вечером уже дежурила рядом с его домом. Она непринужденно пошла навстречу вошедшему во двор Игорю и с удивлением откликнулась на приветствие, словно и не ожидала его увидеть. Просто случайно шла мимо, она часто здесь бывает, у нее тетя живет в соседнем доме. Женька с Игорем стали встречаться. То ли Игорь прощал подружке ее колючесть, то ли Женька стала чуть мягче, но они не ссорились. Женька, как могла, долго скрывала от Игоря, что она инвалид, пока подружки не открыли ему глаза. Однако мальчика это не смутило. Женька возликовала душой и поверила, наконец, в высшую справедливость и возможность счастья лично для нее. Она окончательно разуверилась в женской дружбе, но обрела любовь.

Женька сочиняла сказку для себя. О том, как гадкий утенок станет лебедем, распахнет крылья и поднимется высоко в небо, к самому солнцу – и отогреется. Женька чувствовала, как ее любовь оперяется, еще немного – и полетит! А все задерут головы к небу и ахнут:

– Вот она какая, Женька! Красавица! Вон как ее любят, а мы – дураки, не заметили, не оценили...

Посожалеют, да поздно будет, не для них она, Женька! Для Игоря.

Женька засыпала и просыпалась с именем любимого на устах:

– Игорь!

Она чувствовала, как бьется ее сердце, словно и оно тоже произносит вместе с Женькой:

– И-горь!

Стукнет два раза и замрет, и на долю секунды Женька задерживает дыхание, потом оглядывается вокруг после этой привычной медитации и замечает, как прекрасен мир, как улыбки люди, или они улыбаются в ответ на ее улыбку?

Женька училась в выпускном классе, когда Игоря призвали в армию. Она пришла к нему на проводы как его девушка. Ей было горько расставаться с любимым, и все-таки гордость распирала ее от одной мысли, что Игорь сейчас познакомит ее со своей матерью и она сядет рядом с ним за столом как невеста. И все это увидят. И он обнимет ее за плечи, и будет весь вечер смотреть на нее задумчиво и нежно, и поцелует на вокзале. И этот поцелуй тоже все увидят. Однако Игорь посадил ее рядом со всеми девчонками, а сам весь вечер проговорил с ребятами. Время от времени к нему подсаживалась мать, брала его руку, прижимала к своей щеке и так сидела некоторое время, и за столом возникало неловкое молчание. Когда все фотографировались на общий снимок, Женька снова попыталась встать рядом с любимым, но и тут ее оттеснила мать Игоря. Женька ничего не понимала: а где же слова, просьба, чтобы ждала? Однако Игорь так и не подошел к ней и не сказал особенных слов, махнул рукой и улыбнулся своей обаятельной улыбкой, предназначавшейся всем – и ей на общих основаниях. И Женька, всегда требующая свое, вдруг растерялась. Она не только не получила официального статуса невесты, но и не побыла даже минутки с Игорем наедине. Игорь держал за руку только мать и обещал писать только ей, и нежные слова он тоже говорил только матери.

Через неделю Женька пришла к любимому домой. Дверь ей открыла мать Игоря. Женька поздоровалась и подождала приглашения войти. Однако женщина молчала. Тогда Женька собралась с духом и спросила:

– Скажите, а от Игоря уже пришло письмо?

– Ну, конечно, несколько писем. Игорь писал еще с дороги, – ответила мать.

– Дайте мне его почтовый адрес? – попросила Женька.

– Зачем? Ведь Игорь вам не пишет, – прямо посмотрела на нее женщина.

– Вот я и спрошу у Игоря, почему он мне не пишет, – так же прямо ответила Женька. – Мы встречались.

– Это ведь у вас одна рука? – внимательно посмотрела на ее руки мать Игоря.

– Мой сын вас жалел.

Женька отшатнулась, как будто женщина ее ударила. Все эти дни она размышляла над сложившейся ситуацией, придумывала Игорю мифические оправдания, снова путалась в своих домыслах и даже сомневалась, не придумала ли она любовь между ними. Может быть, он с ней просто дружил, а она себе насочиняла. Однако это жестокое заявление матери Игоря отбивало у нее охоту еще что либо выяснять. А может быть, узнать его адрес

у мальчишек, приехать к нему и просто посмотреть в глаза? Что-то он ей скажет?

Женька шла по городу и покачивалась, как пьяная. Никуда она, конечно, не поедет. Девушка выработала в себе прямо-таки звериную гордость и подставляла для удара вторую щеку не собиралась. Наоборот, корила себя за этот поход к матери Игоря. Надо было терпеть и ждать. Нужно научиться терпеть. Нужно научиться не любить. Никого и никогда. Женька прямо-таки застонала от той пытки, на которую она себя обрекала. Любить так высоко и так сладко, она узнала это за те несколько месяцев, что любила Игоря. И душа заходится от любви к целому миру, ибо если ты пустил в сердце чувство, оно заполняет его полностью – и ты любишь все вокруг. Пока Женька любила Игоря, она стала чуть ближе матери и наладила отношения с одноклассниками, не было в них ни гордыни, ни зависти. Любовь щедра. Однако где любовь – там и предательство. А ты его не ждешь, не строишь баррикады, у тебя разведены руки для объятий, и в это самое незащищенное ты и получаешь – поддых... И не можешь вздохнуть... Больно...

Женька не заметила, как пришла домой и упала на руки к матери. Мама потихоньку раздела ее и уложила в кровать, напоила теплым молоком и просидела рядом, выслушивая дочкины всхлипывания, пока та не уснула. Сладко было уснуть под материнское поглаживание.

– Прости их, – шептала мама, но Женька возмущенно качала головой. – Прими это, просто прими.

Однако Женька не простила и не приняла. Она окончила школу и уехала из города.

Женька устроилась работать диспетчером в автобусное депо и жила в общежитии автопарка. Она общалась с водителями на равных, не скупилась на крепкое словцо, и они чувствовали в ней своего парня и не обижали. И Женькина обида не то, чтобы стала забываться, а поостыла. Конечно, ради такой работы не стоило уезжать из родного города, да и одноклассники посмеялись бы – и это гордячка Женька с вечным стремлением быть лучше всех? Но одноклассники далеко, а шоферня любит Женьку такой, какая есть. Для них не надо расшибаться в лепешку и стремиться утереть всем нос. Что-то надломилось в Женьке. Единственное правило, которое она продолжала соблюдать – это не влюбляться. Не привязываться. Не верить и не доверять.

Женька написала маме, только когда поняла, что беременна, да и то не сразу. Потянула некоторое время, поразмышляла, оставлять ребенка или не стоит. Юра просил сделать аборт, а иначе грозился уйти. Женька его не задерживала, даже наоборот, помогла собрать вещи. Сделала это спокойно, как и раньше, когда собирала его в очередной рейс. И так же заботливо положила в карман куртки презерватив, все как всегда.

– Ну, что ты все ерничаешь? – разозлился Юра.

– Забочусь о тебе, – сказала Женька. – Кто о тебе еще позаботится?
– Холодная ты, – устало посмотрел на нее Юра. – Я, может, и не гулял бы, если бы от тебя таким холодом не веяло.

Женька почувствовала, как сжалось сердце. Справедливое обвинение, но позволить себе впустить в сердце любовь, раскрыть его навстречу новому чувству она не могла. Ее единственный прыжок в счастье закончился болью. И Женька неосознанно сделала вывод, что любовь и счастье влекут за собой боль. Лучше жить без любви, зато и без боли. Она проводила Юру без особого сожаления и даже не сильно на него обиделась. Ну, подумаешь, гулял. Подумаешь, бросил ее, беременную. Мать говорила, что отец тоже гулял и ушел из дома сразу, как только Женька появилась на свет. Значит, все гуляют и все бросают. Не она первая. А вот стоит ли рожать на свет еще одно обреченное на несчастье существо, стоит подумать.

Женька думала до тех пор, пока ребенок не стал шевелиться в животе. Она лежала ночью и размышляла, что она может ему дать, как вдруг почувствовала легкий толчок, и живот словно качнуло вправо, потом влево... И такое блаженное тепло охватило Женькино существо, обдало ее всю с ног до головы, омыло золотым дождем и тихонько понесло в неведомую даль....

– Счастье есть, – подумала Женька. Это было не вопросом и даже не ответом на ее бесчисленные поиски справедливости, а просто принятием того, что счастье возможно. Его не надо бояться.

Утром Женька побежала на почту, чтобы отправить маме письмо, но вдруг свернула на переговорный пункт. Она услышала мамин голос и счастливо и свободно улыбнулась:

– Мама, я завтра приеду, насовсем. Я жду ребенка, мама. Пока не замужем, но непременно выйду, не сомневайся. Обязательно полюблю и выйду замуж за хорошего человека. Все будет хорошо, мамочка...

Каждый день я просыпаюсь

Милана Секоненко

Каждый день я просыпаюсь на даче на рассвете. Немного лежу, проверяя затекшие мышцы. За стеной спит жена, если это выходные или лето. В будни она в городе на работе. Отношение ко сну в нашей семье сложное. Это неотъемлемая часть жизни, но стоит жене спать чуть дольше привычного, как я, усмиряя тревогу, иду проверять, все ли у нее в порядке.

До второго завтрака (у жены это первый) проходит в одиночестве моя утренняя вахта. Еще никто не перекрикивает птиц и плеска озерных волн. Ни соседи, ни шум моторов, ни другие посторонние звуки. Я успеваю обойти участок, спуститься по тропинке вдоль леса к озеру. На дальнем конце выстроенного каменного мола принимают солнечные ванны ужи; один, два или три. Я не приближаюсь к ним, но в очередной раз думаю, для кого строил мол все прошлое лето, разыскивая и прикатывая валуны, привозя тележки с камнями, подсыпая песок. Все же не удерживаюсь и добавляю сбоку еще несколько припасенных камней.

От озера поднимаюсь по выдолбленным в каменистой почве ступеням к перголе вместо калитки. На участке оглядываю слева композицию из трех ледниковых валунов, за годы над ними значительно поднялась пирамида туи. Чуть выше, на отвоеванной у косогора площадке, посреди картофельного поля громоздится великан-валун. Когда-то сосед предлагал вырыть его экскаватором и скатить к воде в кусты, но я только посмеялся про себя. С другой стороны дорожки – яблони в цвету. Что только не пыталось сокрушить за годы самую большую. Ничего, цветет красавица пуще других. Много лет назад жена сожгла в костре комплект постельного белья, одеяло, подушку и даже матрасник, а потом разбросала кучу золы под молоденькой яблонькой: расти. Она и растет, и плодоносит. Что-то говорила мне о Хаврошечке, но не помню я детские сказки. За яблонями – банька, покрытая дерном; в дождливые годы приходилось залезать на крышу и косить на ней траву. Около баньки круглый пруд, затеняемый пушистыми соснами. Посреди воды на камне стоит кованый ангел. К скульптуре давно привыкли местные лягушки, копошащиеся в теплой воде среди кувшинок и кубышек. Изредка дремота пруда разбивается тихо вползшим ужом, и тогда там разыгрывается настоящая трагедия. Ангелу все равно, он выкован из железа, и такое же, наверное, у него сердце.

Пора идти вверх к дому по плавно изогнутой лестнице. Прохожу мимо огромной ивы, она была когда-то с палец толщиной. Теперь под ней запросто умещаются стол и стулья. Все, подъемов больше не будет. Сколько тележек с землей пришлось свезти сюда, чтобы создать на крутом склоне плоский

рельеф. В разные стороны разбегаются каменные дорожки, окаймляющие клумбы, ведущие к воротам, домику сына, можжевельникам и нашему дому с деревянным крыльцом.

Пора будить жену, она болтушка, но завтраку это не помешает. Вхожу в дом, тихо. Чайник поставим потом. Прохожу по просторному без перегородок первому этажу. Здесь и кухня, и гостиная вместе, поднимаюсь по узкой лесенке, оказываюсь в тесном коридоре, в который выходят окно и двери. Мне нужна правая. Слева – приоткрытая дверь в дочкину комнату. Идеальный порядок, как в музее. Здесь никто не живет. Собраны в витрине ее скульптуры из керамики и самодельные шитые игрушки: с детских лет до девятнадцати. По стенам развешана ее живопись и графика. На подоконниках выставлена мозаика. В шкафу на полках стоят прочитанные книги и атлас звездного неба, хранятся зубная щетка и любимая кружка. Висит одежда и – последнее платье, которое она надела: на васильковом небе белые облака. В углу кровать. Дочь, перегревшись на солнце в последний день жизни, не проснулась на утро. Дверь с тех пор в ее комнату всегда открыта. Тогда мне пришлось открыть ее и увидеть дочь первому. Прекрасная, как ангел, она как будто сладко спала, сложив ладони под правой щекой, и улыбалась. Это случилось не здесь, а в городе, но разве это важно?

51

Я делаю шаг к комнате жены, осторожно стучусь, открываю. Встала без меня. Говорит, что плохо опять спала, зато сочинила новый стишок. В последнее время ее потянуло еще и к писательству. Но и с этим я попробую смириться.

Так мы живем день за днем. Однажды одного из нас не будет. И тогда для второго станет другим каждый день.

Абрикосы
Яна Яблоко

*Только о двух вещах мы будем жалеть на смертном одре –
что мало любили и мало путешествовали.*

Марк Твен

Прошлым летом сын купил дачу и предложил мне пожить за городом. Дача располагалась в тихой глухой местности. На участке стоял двухэтажный заброшенный дом с огромным балконом вдоль всей южной стены. С него открывались виды на луга, уходящие в камышовые заросли, на блестящее зеркало залива в раме склоненных к воде деревьев и на разноцветные клочки полей. Рядом на пустых заросших травами садовых участках можно было заметить аистов, неспешно вышагивающих в поисках ящериц, а из зарослей терна и вишневой поросли неожиданно вылетали шумные фазаны.

Июль выдался жарким и абрикосовым. И слева, и справа на деревьях соблазнительно желтели яркие плоды – собирай сколько угодно! И мы собирали самые аппетитные – целое ведро – и ели на завтрак, обед и ужин, вспоминая притчу о Моисее, питавшемся одними абрикосами и медом.

52

Подумав, что день год кормит, я включила режим «хозяйка», и стала чистить, сушить, варить и консервировать, соревнуясь с деревьями, которые сыпали и сыпали на траву оранжевое чудо. Я стойчески боролась с урожаем, но чувство чего-то упущенного, чего-то позабытого не давало мне покоя. И в один из -надцатых дней абрикосового марафона, чистя переспевшие плоды, липнущие, как назло, к косточкам и расползающиеся в моих руках, я раздраженно подумала «квашня-квашней» и... вспомнила – «квашня-квашней»! Это же отец рассказывал!

Июль у моря. Мне лет двенадцать. У мамы с отпуском не сложилось, и мы приехали в Сочи вдвоем с отцом – мы любили этот курорт и ждали встречи с морем весь год. В один из дней, поджарившись на пляже до золотистой корочки, мы сбежали от палящего солнца под тенистый платан и, усевшись на скамейку, смотрели на море. Так приятно в полуденную жару смотреть на бескрайнюю синь, провожать взглядом белый пароход, мысленно уплывая с ним к иным горизонтам...

Отец был романтиком, натурой увлекающейся, и, в отличие от меня – молчуни, отличным рассказчиком. Он начал вспоминать о своем отрочестве в послевоенное время:

– Давно это было, а помню – как сейчас. Такой же июльский жаркий день. Мы с другом Мишкой прячемся от зноя в абрикосовой роще. Лежим в траве, едим абрикосы, которые падают прямо на нас, и вдруг Мишка говорит: «Я слышал, что под Курском и Белгородом абрикосы не растут, а севернее – и подавно. Может рванем, как Егор, менять. Дома опять есть нечего, хоть шаром покати – один подножный корм». Проглотив очередной абрикос, я подумал – неплохая идея! И матери можно помочь. Она ведь одна нас восьмерых растила. Батя-то – дед твой – еще в коллективизацию сгинул...

Отец умолк, глядя на волны. Родители почему-то всегда замолкали, стоило им вспомнить деда, и я так до сих пор и не знаю, что с ним случилось – все документы о нём утеряны, а расспросить уже некого...

Я ждала продолжения повествования, и через некоторое время отец вернулся к своим воспоминаниям:

– В общем, решили мы с Мишкой ехать менять абрикосы на... да, на что придётся. Время было голодное – как зиму пережили, сейчас не понять. Весной-то уже полегче стало – крапива пошла. А летом и фрукты-овощи. Но нам, пацанам, не так добыть что-то хотелось, как отправиться в поездку. И мена была отличным поводом – как говорится, и для души, и для дела.

53

Насобирали мы абрикосов – самых лучших и крепких. Сложили их в два больших чемодана, и на следующее утро на попутной телеге отправились на вокзал. А там народу! Не одни мы такие умные – все, кто мог, ездили тогда менять.

Поезд в московском направлении должен был прибыть на станцию через пару часов. Кто-то толпился возле кассы, но у нас денег не было, оставалось надеяться только на ловкость и смекалку. Но когда паровоз с вагонами, попыхивая дымком, подъехал на станцию, начался такой шторм, что нашей смекалке и не снился. Толпа с котомками, чемоданами, заплечными мешками ринулась к дверям вагонов. Некоторые, самые шустрые, залезали через открытые окна. Кто-то умудрился забраться на крышу. В ушах звенело от криков рвущихся в поезд людей. Подняв чемоданы над головами, мы с Мишкой влились в толпу, рискуя быть раздавленными. Но другого пути попасть в вагон не было. Чьи-то плотно прижатые тела несли меня к дверям вагона, подтолкнули на ступени, и я оказался в тамбуре. Но и внутри давка была невероятная. Впереди я увидел Мишкин чемодан и попытался протолкнуться к другу. Прямо передо мной молодой солдатик с котомкой выскользнул из толчеи и быстро вскарабкался на третью полку. Мы с Мишкой переглянулись, и он с ловкостью обезьяны тоже полез «под купол» вагона. Я стал пытаться подать Мишке тяжелый чемодан и чуть не уронил, но в этот момент чьи-то сильные руки подхватили и забросили багаж наверх. Я тоже забрался к Мишке, хватаясь за поручни. На третьей полке было

душно и совершенно не понятно, как можно уместиться вдвоем, да ещё с чемоданами. Но всё-таки здесь нас никто не толкал, и мы начали как-то устраиваться.

Поезд, заглотив большую часть желающих уехать, наконец, тронулся.

Как у настоящих путешественников, у нас не было четких планов куда-то попасть. Мы ехали – и это было здорово! А пункт своего назначения выбрали по времени прибытия туда поезда. Было решено ехать до утра – новый день, новая страница приключений. Расположившись валетом и примостив чемоданы под головы, мы то засыпали под монотонный стук колес, то слушали доносившиеся снизу разговоры и перепалки пассажиров.

Когда через запыленное стекло стал виднеться порозовевший горизонт, я десантировался вниз. В вагоне было тихо. Народу заметно поубавилось, и можно было даже присесть на краешек нижней полки. Мужичок напротив, в серой рубашке и кепке, сообщил, что поезд скоро прибудет к станции, возле которой неподалёку есть рынок. Нужно было поторапливаться. Я растолкал посапывающего Мишку, и мы стали спускать чемоданы, стараясь не задеть спящих пассажиров, но всё-таки задевая и выслушивая недовольные реплики «куда прёшь!» и... ещё похлеще.

54

Через полчаса мы стояли на платформе небольшой станции с облупленными стенами и наклеенными на окна крест-накрест бумажными лентами. Свежий воздух наполнил наши легкие живительной силой, в пустых животах урчало, но было решено не терять времени, а поесть абрикосов можно будет и позже. На рынке Мишка предложил разойтись на разные концы торгового ряда, и исчез со своим чемоданом в толпе.

Не успел я расположиться и открыть чемодан, как подошла рыжая тётенька в цветастой кофте и нараспев спросила:

– А у тя чо в чемодане-то?

– Абрикосы, – бойко ответил я.

– А эт чо? – переспросила тётка.

Я ей говорю: «Фрукты такие, сладкие», – и открываю чемодан. А там... От досады ком подкатил к горлу и слёзы навернулись на глаза, вот-вот хлынут. В чемодане были, конечно, абрикосы, но только не те аппетитные и красивые, что мы собрали в роще, а какая-то измятая оранжевая квашня с приятным фруктовым запахом.

А любопытная тётка не отстаёт – заглянула в чемодан и спрашивает:

– Это абрикосы? И чо ты за них хочешь?

Я стою пень-пнём, не могу ни слова из себя выдавить. В голове стучит молотом «всё пропало, всё пропало». Но тётка настырная оказалась, взяла инициативу в свои руки и предлагает:

– Давай я тебе глиняную миску, а ты мне полную миску твоих абрикосов.

Я толком не понял, что тётка хочет, но кивнул, чтобы она поскорее ушла и не увидела моих слёз. Тётка набрала две миски абрикосной квашни из чемодана, свалила в своё ведёрко и отдала мне две симпатичные расписные миски – одну побольше, а другую поменьше. Я стоял и не мог сообразить – радоваться мне или огорчаться, но потом начал приходить в себя – ясное дело, надо поскорее от такого товара избавляться. Но как? Съесть его, что ли...

К счастью рыжая тётка оказалась общительной и тут же похвалилась своим кумушкам, какой вкусный товар выменяла на миски. Оказывается, в этом селе процветало гончарство, и мисок у местных жителей было вдосталь. Ко мне подошли несколько женщин с глиняной посудой, и пошла мена! Я набирал абрикосовую квашню из чемодана, шлепал её в посудины хозяек, а миски складывал стопочкой рядом. Мои руки стали липкими, сладкая абрикосовая жижа стекала по ним и капала с локтей, и я время от времени слизывал её, жмурясь от удовольствия – вкусно и голод заглушает. Вырученные миски тоже были перепачканы абрикосовой жижей и на них стали слетаться осы. Приходилось постоянно манипулировать крышкой и отгонять неугомонных насекомых. Хорошо, что мена вызвала интерес у местных женщин и абрикосы быстро разошлись.

Я сложил свои миски в перепачканный липкий чемодан, быстренько захлопнул крышку и поплелся на другой конец рынка. Но увидев бойко торговавшего такой же абрикосовой квашней перепачканного друга, я невольно улыбнулся. Да, привезли товарчик! Достался он, конечно, даром, но столько мытарств и всё чуть не пошло коту под хвост. А можно было бы сидеть в посадке да лакомиться абрикосами хоть целый день. Но тогда бы не было путешествия! А путешествие чем интересно? Тем, что заканчивается что-то одно и начинается что-то другое. Вот абрикосы закончились, теперь с мисками не приключилось бы чего – они-то не мнутя, зато бьются.

Под такие мысли я дождался Мишку, и мы решили, что в такую жару и с нашей липучестью лучшим продолжением путешествия будет купание в ближайшем водоеме. Совсем неподалёку протекала речка – не широкая, но с чистой, прозрачной водой, в которой на отмели возле берега кормились шустрые мальки. Мы отмылись, накупались, а потом грелись на горячем

песке и смеялись над абрикосовым курьёзом. Вымытые миски тоже грелись и сохли на солнышке, поблёскивая глянцевыми доньшками.

Солнце стало клониться к горизонту. Тщательно переложив миски в чемоданах травой, мы отправились на станцию навстречу новым приключениям.

Отец помолчал, провожая взглядом уплывающий корабль. Было похоже, что он, будучи уже состоявшимся человеком, переживал всё рассказанное заново. Он посмотрел на меня глазами, светящимися молодым задором:

– Знаешь, что самое прекрасное в любом путешествии?

Я задумалась на минутку, потом выпалила, больше для того, чтобы хоть что-то ответить: «То новое, что ты увидишь и запомнишь!»

– Самое прекрасное в каждом путешествии – это возвращение домой. Когда, уставший, ты открываешь калитку, и на тебя с визгом прыгает обрадованный пёс. А на шум выбегает и с причитаниями обнимает тебя мать. И ты ощущаешь, как её слёзы капают тебе на рубаху, ощущаешь и жадно впитываешь её запах и запах дома...

Но до этого момента нам с Мишкой еще пришлось три дня странствовать – с пересадками, переполненными вагонами, ночёвкой в стог сена... Приходилось выменивать нашу добычу на еду, так что домой я привёз всего три миски. Две мать выменяла на барахолке на хлеб, а одна – самая красивая, расписная – осталась в доме и украшала центр стола. В неё мать складывала самую вкусную, по тем временам, еду, которую делили поровну на всю семью и съедали вместе.

Я представляла себя рядом с отцом в переполненном вагоне, на рынке, на горячем песке – смогла бы я так? Смотрела тогда на отца и думала, что совсем мало знаю о нём. А он, словно перелистывая страницы своей жизни, подвёл итог:

– Потом я много ездил – на учёбу в Киев, в командировки в разные города, на отдых в Крым и на Кавказ. Много повидал интересного. Но то, послевоенное время, и те поездки в битком набитых поездах, запомнились, как самое интересное и счастливое время. Может быть, потому, что мы были юные, ничем не обременённые, бесшабашные и по-своему предприимчивые. Жили в стихии свободы, где деньги не имели ценности – ценились пища, одежда, кров и, наверное, доброта. Садись на любой поезд и ехали туда, куда он нас вёз – то ли за товаром, то ли за новыми приключениями. Было трудно, но это была настоящая жизнь, где всё делалось по внутреннему зову, а не наперекор себе.

Я – девчонка-подросток, не знавшая лишений – любила в тот момент отца ещё больше. Стало понятно, откуда у него такая тяга к глиняной посуде – расписные миски, чашки, глянцевые горшочки всегда красовались в отчем доме на полках, в кухонном шкафу и на столе. Их дарили друзьям и родственниками, а некоторые я до сих пор храню у себя...

Неприменно, непременно привезу сыну на дачу глиняную посуду – на счастье. И расскажу ему эту историю про его деда...

Выйдя на балкон, я окунулась в освежающую синеву. В небе парили беззаботные птицы. На душе было легко и спокойно... Казалось, что отец смотрит и улыбается мне из поднебесья...

Стыковка

Цветные сны. Лазурный
Aleker

Я хорошо знаю этот двор. Ещё ребёнком я проводил в нём, наверное, больше времени, чем дома. Только тогда двор казался мне просто огромным, а сейчас он совсем маленький. Тогда мы могли ездить между клумбами на велосипедах, играть в прятки и лазить через забор, а теперь я обхожу весь двор по периметру меньше чем за две минуты.

Девочка лет семи рисует мелками на асфальте. Понятно, что это рисунки не да Винчи, и даже не ван Эйка. Но что-то пикассовское в них есть: типа человечек, типа собака, типа домик. Догадаться можно. И если люди, животные и строение нарисованы, то сейчас очередь радуги. Красная, оранжевая, жёлтая и зелёная полосы радуги уже готовы.

«Да, тут много не накосячишь» – думаю я.

Подхожу к девочке, спрашиваю:

58

– Рисуешь?

– Рисую, – отвечает.

– Радугу?

– Угу. – Девочка не отрывается от своего занятия.

– А знаешь, какой следующий цвет?

– Знаю, – говорит, – лазурный.

– А вот и нет, – радуюсь я её «проколу». – Следующий – голубой. Даже запоминалка такая есть: Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан. Каждая первая буква этих слов приводит нас к одному цвету. После зелёного должно быть Г – где?

– На море, – отвечает девочка.

– Что «на море»? – не понимаю.

– Лазурный – на море. Хотя море и Чёрное. – Девочка продолжает вырисовывать радужную полоску.

– Нет, – упираюсь я, – голубой. Голубой – это связующее звено между зелёным и синим.

– А лазурный?

– Тоже, наверное, можно. – Почти сдаюсь я. – Но тогда считалка испортится.

– Да, – вздыхает девочка. Она берёт синий мелок и начинает рисовать новую полоску. – Жалко считалочку. Придумай новую.

– Нельзя, – отвечаю. – Где Сидит Фазан.

– Где?

– Да вот здесь же! – Наступаю ногой на голубую полоску и чувствую, что пальцы в кроссовке стали мокрые.

Удивляюсь, наступаю второй ногой – падаю вниз. Совсем короткое мгновение. Смотрю по сторонам – мелкий светлый песок, невероятно чистое небо, из которого выливается бескрайнее лазурное море.

Вокруг ни души. И только я, дурак, в кроссовках и джинсах стою по колено в воде.

Сбрасываю с себя одежду. Всё, кроме трусов. Бросаюсь с головой в море. Нырять глубоко, метров на десять, но дышу легко, словно у меня жабры. Обгоняю косяк блестящих рыбёшек. Выныриваю и замираю на самой поверхности воды. Слева от меня широкая зелёная полоса моря, справа – синяя, а дальше, через несколько сотен метров, фиолетовая.

Выбегаю на берег, который прямо под моими ногами твердеет, превращаясь в асфальт. Я оборачиваюсь и вижу нарисованных человечка, собаку, домик и радугу. Рядом стоит девочка и говорит:

– Что же ты в одних трусах вернулся? Замёрзнешь ведь... погоди, я тебе сейчас солнышко нарисую – согреешься...

Цепочка

Чародеи

Джон Маверик

см. текст на стр.4

12 (часть 1)

Вит Музуров

1. Человек и Осень

их было двое – Человек и Осень. каждый год он втайне надеялся, что она не придёт, но свидания состоялись неизменно.

– ты опять пришла, – говорил Человек.

Осень кивала золотыми кронами.

– давай поплачем о нашей неудавшейся жизни.

Осень соглашалась.

– тебе, кстати, осталось три месяца. потом тебя выметет. но через год ты снова будешь здесь. и я буду.

Осень кряхтела, старела, белела, умирала – а через год возрождалась и приходила к Человеку такой же тёплой, жёлтой и шуршащей, как год назад, два года назад, пять лет назад...

Человек говорил:

– ты не меняешься. я с годами начну кряхтеть и свистеть, побелею – и возродиться уже не смогу, а ты останешься молодой и красивой.

Осень понимала.

– но это будет через год. а сейчас у тебя всего три месяца. давай поплачем о нашей неудавшейся жизни.

Осень плакала и умирала.

только Человек не успел побелеть. однажды Осень пришла, а Человека уже не было. и она нашла другого.

2. Чайник

Человек обустроивал дом – и выбрал для него чайник. это была любовь с первого взгляда: из всех чайников на витрине Человек выделил именно этот. Любимый Чайник стал центром кухни, источником уюта, символом новой жизни.

возможно, Человек недостаточно проявлял свою любовь: редко мыл и чистил Чайник; быть может, Чайник и не чувствовал, насколько ему дорог. но Любимый Чайник всегда стоял на столе, в торжественных случаях переходил в гостиную, был предметом гордости. а как красив был Чайник, когда свет

проходил сквозь его стекло и чайники купались в нежно-зелёном чае. Человек хотел запечатлеть это на картине или фотографии, но, как всегда, откладывал.

Чайник скоро погиб. очень драматично. одним зимним вечером со словами «чёрт возьми, вся моя жизнь – притворство и сплошной театр!» неосторожным широким жестом Человек смахнул его со стола. Любимый Чайник упал с нежным звоном, и осколки разлетелись очень театрально. в этом было изящество, глубокий символизм и тонкая ирония, но Чайник, увы, было не вернуть.

Человек решил, что хотя бы после смерти Любимый Чайник должен послужить искусству: собрал осколки, промыл их водой и стал фотографировать. «может быть, Чайник не был счастлив при жизни, но после смерти, – думал Человек, – ни один чайник не знал таких почестей».

он обложил осколки гирляндами, чтобы в них снова заиграл свет.

он сделал из осколков птицу. стеклянную птицу, которая стремилась вылететь в окно. и сам ощутил себя такой птицей.

он всюду искал точности такой же чайник (невозможно представить что-то другое на месте любимого) – и всё же нашёл, только с дурацкой надписью на стекле. она выглядела нелепо, но Человек её принял. ведь это то, что можно простить любимому. он стал верить, что Чайник сделал татуировку.

а осколки Человек собрал в родную коробку и разместил на полке. ведь в каждом помещении, в каждом доме должна жить история – и мавзолее Любимого Чайника стал в новом жилище островком памяти. так создаётся мифология. так создаётся жизнь.

3. Змея

одна змея родилась белой. но это была очень сильная змея: она решила никогда не сдаваться и купила себе чёрный плащ. Змея извивалась, проползала в рукава, воротник и даже петли для пуговиц – но не могла носить плащ. конечно, беда была в том, что у Змеи не было плеч. но Белая Змея была очень сильной и никогда не сдавалась. она добыла вешалку-плечики, выдернула из неё крючок – и заняла его место! не спрашивайте, как ей это удалось: сильную змею ничто не остановит.

Змея торжествовала. чёрный плащ очень шёл к её белому телу.

– я добилась своего! – небезосновательно заявила она в интервью, – мой девиз: никогда не сдавайся!

– даже если ты змея-дебил? – бестактно уточнил журналист.

Белая Змея ничего не ответила – какое ей дело до журналистов? она подняла голову и величаво удалилась, унося плечики с плащом на своём победившем теле.

гордо ползала Белая Змея по паркам и лесам. жизнь её складывалась прекрасно, Змея всё хорошела, росла – и вот уже деревянные плечики начали

сдавливает ей шею. Змея кашляла и задыхалась, но она была очень сильной и продолжала носить плащ, не желая уступать боли.

умирая от удушья, Белая Змея мучилась вопросом, сдалась она всё-таки или нет. «я не сдалась. я сделала всё, что только могла, и я не отступлю, – думала Змея. – никогда не сдаваться. никогда не сдаваться. никогда не... никогда».

4. Одуванчик

у Одуванчика, в отличие от многих других наших героев и действующих лиц реального мира, был смысл жизни: он был одуванчиком-активистом, борцом за права растений. идеологические враги Одуванчика – вегетарианцы – проявляли сочувствие к животным (даже к безмозглым баранам, которые и страха-то не ощущают!), а растениям в праве на сострадание отказывали.

другие одуванчики просто так желтели в поле – наш герой желтел исключительно по идеологическим мотивам. его жизнь была стоянием на митинге за права растений.

– что за несправедливость?! двойные стандарты! – молча кричал Одуванчик солнечным летним утром. – мы, растения, так же можем чувствовать и понимать, что с нами происходит! овца может только бляеть, а мы приносим пользу, синтезируя кислород! пусть другие цветы равнодушны к этому, но я буду заявлять о своей позиции: долой садистов вегетарианцев! овцы для того, чтобы их есть! я буду кричать об этом, невзирая ни на какое бляенье!

бляенье между тем приближалось – и едва ли овца различила оппозиционный цветок в пучке травы, съеденной солнечным летним утром.

5. Призрак оперы

искусство – великая сила. Он знал это с детства. как замирало сердце в театре или перед экраном, воспаряла фантазия на концертах классической музыки, как отчаянно бился мозг при чтении книг, преображалось сознание в театральной студии! жизнь расширялась, расцветала, мир обретал объём, наливался красками. сначала искусство скорее развлекало, затем завораживало, становилось предметом мысли, раскрывало чувства – кажется, оно могло сделать с его сознанием что угодно!

вот, например, опера. Он мечтал остаться в том мире, где кипят страсти, где цельные сильные люди не жалеют ничего, идя за своими чувствами, отдаваясь им до конца, живя ими и сгорая в них. вот это мир! в таком не стыдно жить и умереть. и где же такие люди? выныривать из этого буйства чувств и оказываться в плоской повседневной жизни было мучением. хотелось поскорее вернуться туда – в мир искусства, где всё глубже, искреннее, масштабнее.

и Он погружался в книгу, музыку, картину, и тогда переставало существовать всё вокруг, будто во всём мире погасили свет – и остался один, один

священный огонь: судьба героя, движение мысли, изменение образа, перелив звука. «возможно, искусство – только игра, – думал Он, – но она, безусловно, превзошла реальность». и снова шумели моря образов, рвались паруса фантазии, а активнее всего – прорастали побеги мыслей. они множились, тянулись к свету и знанию, обвивали гибкими ветвями... за ними скрылся плоский людской мир, со всех сторон теперь окружали Его заросли мыслей и чувств – чарующий, колышущийся сад.

«тут есть лес...» – сказал Он в восхищённой растерянности. к Нему вышел Вергилий. при мысли о посещении с Вергилием ада Он содрогнулся: «неужели мне снова предстоит встретиться с людьми, пусть и мёртвыми?» «нет, – успокоил Вергилий, – людей не будет. ты стал дьявольски умён». лес разверзся, и Он упал глубоко вниз, где холод озера Тацит сковал всё его тело.

6. Кактус

на подоконнике, как известно, частенько живут горшки, а в горшках живут кактусы. и всё было бы прекрасно и удивительно, если бы жизнь кактусов не была так колка. «кто же делает её колкой?» – спросите вы. да в том-то и трагизм положения, что сам кактус. представьте: смотрит вот эта колючка на мир, смотрит, а из глаза течёт сок.

по крайней мере одному из кактусов – нашему герою – с этим не повезло: один шип рос прямо из его глаза. и на что бы ни смотрел Кактус, он чувствовал боль, а из раны в глазу сочился сок, тёк по шипу и замирал большой каплей на кончике – по утрам в капле играло солнце, и тогда этот сок (кровь или слеза?) искрился и переливался, придавая Кактусу очарование глубоко раненного взгляда.

а взгляд Кактуса блуждал по комнате. в глубине комнаты женщина ругается с мужчиной (почти каждый день). на подоконнике жизнелюбивая герань хвастается цветками перед геранью-соседкой – у них вечное соперничество. в углу под потолком паук плетёт паутину и ждёт очередную жертву. из окна сильно дует, и Кактусу почти так же холодно, как, вероятно, тем страдальцам во дворе, которых осенью раздевает ветер, а потом накрывает снег. как тут не заплакать? каждое движение глаза – боль.

«почему я не родился геранью или фикусом? – сокрушался Кактус. – у них жизнь гладкая, как их листья. они не замечают того, что вижу я. вероятно, причина моих страданий – я сам. вырвать бы этот шип, вырвать вместе с глазом – лучше уж я вообще больше не увижу этого мира, чем буду смотреть на него и плакать. каждый день, каждый час».

«впрочем, нет, – возражал Кактус самому себе, – как ни крути, а созерцание, тревожное, с болью и слезами созерцание этого мира – единственное, что наполняет мою жизнь если не смыслом, то хотя бы содержанием». так думал Кактус, а сок тем временем покидал его. день за днём, час за часом.

шли годы. Кактус высох, стал бурым, цвета земли – и лишь его восприимчивый глаз оставался зелёным и продолжал источать сок. мужчина перестал появляться в комнате, и теперь женщина по вечерам выпивала в одиночестве. одна герань упала с подоконника – её выбросили вместе с черепками горшка, другая почти засохла, потому что женщина часто забывала её полить. дворовым страдальцам обрубали ветки – и голые стволы торчали из земли, подобно покорёженным пальцам чёрного исполина. лишь мотылёк с резным узором на крыльях был прекрасен. он висел в углу, в паутине. чуть выше застыл мёртвый паук.

всё в этом мире заканчивается. прошла долгая мучительная жизнь, пока сок Кактуса иссяк окончательно и его глаз, в последний раз окинув взглядом несовершенный мир, с последним страданием закрылся навсегда.

Планета путешествий

III. Планета путешествий

Азартных и бесстрашных путешественников ждут захватывающие турпоходы, как в ближайшие к нам звёздные системы, так и высшей категории сложности – годовой марафон за звание Покорителя Вселенной (Лучший Прозаик Литгалактики) и Лучшего Туриста-Путешественника (Лучший Автор Малой Прозы).

А для любителей сразиться один на один – на планете Марс открыта замечательная дуэльная площадка.

Конкурсы планеты Путешествий:

Земля – Орион. Путешествие первое – конкурс произведений, состоящих из трёх объединённых общей сюжетной линией 55-словников на тему «Красное и чёрное».

Земля – Орион – Минтака. Путешествие второе – конкурс произведений, состоящих из двух 55-словников, на тему «Антонимы – два взгляда».

Земля – Орион – Минтака – Альнилам. Путешествие третье – конкурс миниатюр на свободную тему.

Земля – Созвездие Золотой Рыбы – конкурс афоризмов.

Земля – Созвездие Дракона – конкурс сказок.

Земля – Созвездие Большой Медведицы – конкурс рассказов с включением стихотворения или его фрагмента.

Земля – Созвездие Большой Медведицы – конкурс рассказов на тему «Братья наши меньшие».

Земля – Орион. Путешествие первое

**Узелки перипетий
Вплениллюзий**

Не пара

Тот, кто считает, что 9 марта – не праздник, ошибается. Это день её рождения! Сегодня нужно многое успеть. Алиса любит море, хризантемы и итальянское вино. Вечером её ждёт сюрприз – романтический ужин на берегу Красного моря. Нужно спешить. Самолёт ждать не будет.

– Алиса, ты где?

В ответ – тишина. На столе записка: «Прости, я устала от твоих сюрпризов...»

Пора!

Чёрные полосы в его жизни появлялись всё чаще и становились всё шире. Искать причину тотального невезения не пытался. А она была очевидна для всех. Егор – безнадёжный романтик. Нереально не обжечься, если идеализируешь мир, друзей, ситуацию... Люди всегда поступают так, как считают нужным. Он это понял только сейчас, оставшись без работы. Пришла пора перестраиваться и ему.

Любимая

Многое изменилось с тех пор. Он живёт не один. Дома его неизменно ждёт самая преданная и любимая девочка. Она никогда не обманет и не бросит. Каждый день, не обращая внимания на погоду, они прогуливаются по набережной или бродят по парку. Всегда с обожанием смотрит ему в глаза. На красном ошейнике чёрным написано: «Эльза, телефон хозяина...»

Земля – Орион – Минтака. Путешествие второе

Подсолнух
NataOven

1

Весной асфальт привели в порядок: выровняли гравий, пригладили горячим катком, умыли холодной водой. Чисто, красиво. Прохожие гуляют. Но что это, ямка? Семечка нашла местечко, распушила свои корешки. Ворчит асфальт: “Зачем ты здесь, беспорядок. Будешь расти, сбрасывать листья, лепестки, созреют семечки, налетят птицы, раскидав шелуху. Грязь, мусор, пыль. Хоть бы дворник заметил. Он строгий, чистоту любит”.

2

Весной ветер долго носил семечку. И нашел ей место на свежем асфальте. Напилась семечка воды, пристроилась в уютной ямке, распушила свои корешки, радостно потянулась стеблем и листьями к солнцу. Думает: «Придет время – распустятся лепестки, созреют семечки, прилетят птицы – будет им чем полакомиться. Хоть бы дворник не заметил. Он строгий». Заметил, но дворник красоту тоже любит.

Земля – Орион – Минтака – Альнилам. Путешествие третье

Музыка сердца

Aleker

«Ну что это за мышца такая, сердце?»

Вроде и живёт своей жизнью: и ест самостоятельно – на то и желудочки имеются, и магистраль к себе проложило – аортой называется, и ворота-клапаны понаставило, чтобы чётко регулировать приток «сердечных и гостей столицы», но всё равно, хоть и главное, а всё же часть человека.

И сидит оно в человеке и только песнями разноголосыми о себе напоминает. Как будто само музыку пишет. И в этой импровизации свои же чувства передаёт.

Вот, например, спокойно всё – и сердце бьёт мерно, будто поезд по бесконечным рельсам бежит. И никаких стрелок на дороге, никаких стыков. И звук этот, хоть и монотонный, но успокаивающий. Значит, всё в порядке, дорога впереди ещё длинная.

68

А вот стоит человеку испугаться, и сердце замирает, настораживается: что-то сейчас будет? А потом, нагоняя упущенное время, быстро-быстро застучит, словно кто-то бежит в пустынном подземном переходе, и эхо каблуков повсюду разносится. По-музыкальному, по-научному, это называется «синкопа».

Ну а стоит человеку влюбиться, то тут сердце такие арии выводит! Заслушаешься! Оно и на луну выть готово, и наполняется чувствами, как волюнка, чтобы потом со стоном и болью в голосе все эти чувства вылить наружу. И стучит в барабаны, пробуждая все остальные органы. И зажигает игривый огонёк в глазах, тревожит сон, вытесняет все прочие посторонние мысли, наполняя мозг и душу (если это, действительно, разные вещи!) своими переживаниями.

А когда...»

– Всё, стент стоит. Можете зашивать...

Сан Саныч стянул с рук окровавленные резиновые перчатки, снял марлевую маску, бросил всё в мешок для мусора, стоявший в углу, и устало сел на стул перед дверью. Вот уже больше 30 лет он каждый день держал в руках

беззащитные сердца пациентов, заставляя их заново биться, и всякий раз удивлялся, какая же у сердец разная мелодия жизни...

Исцеление

Джон Маверик

Он сидит за нашим столом, но ничего не ест. Хотя жена специально готовит самое вкусное. Усталая и похудевшая, она каждый день ездит на другой конец города, за тридевять, можно сказать, земель, в магазин «Дары моря» и покупает тигровые креветки. Бледно-зеленые, крупные, они похожи на маленьких морских монстров. Жена запекает их в тесте, с хрустящей корочкой. Мне не предлагает, а перед ним ставит полную тарелку.

«Попробуй, сынок, – ее глаза влажно блестят, то ли от боли, то ли от радости, потому что готовить для него – это счастье. – Кушай, пожалуйста. Креветки. Ты их любишь», – умоляет жена.

Он нюхает пар.

«Спасибо, мам. Я обязательно попробую».

Но даже не притрагивается к тарелке. Его волосы пахнут травой и цветами. Он больше не пользуется туалетной водой. Ему не нужно бриться.

70

Иногда мы спрашиваем его, как там было? В том месте, куда он уходил. Может быть, его там обижали?

«Да нет. Не обижал никто. Просто задавали вопросы. Что я делал, как и почему... Как будто я – телезвезда, и у меня берут интервью».

Ночью мы боимся закрывать дверь спальни, и все прислушиваемся к его тихим шагам в коридоре. Как он шлепает босиком по холодному полу. Не простудился бы. Бедный мальчик. Мы боимся, что за ночь он исчезнет, испарится, как испаряются с кафеля его следы. Уйдет – и оставит нас в пустоте. Не спим до утра, ворочаемся, держимся за руки – и слушаем. Знаете, как это бывает, когда душа плачет от страха?

Но утром он, как ни в чем ни бывало, выходит к завтраку.

«Ну что вы, – говорит, замечая наши испуганные лица. – Как я могу уйти, если вы – вы оба – так меня любите?»

Любим. Любим. Да, любим. Если бы любовь могла исцелять – мы любили бы его в десять, в сто, в тысячу раз сильнее. У нас бы мяса не осталось на костях – одна только любовь. Если бы только...

Порой нам кажется, что ему становится лучше. Вчера он первый раз улыбнулся, а сегодня я заметил слезинки в уголках его глаз. Мы ничего не знаем о смерти, но верим, что это просто болезнь, от которой еще не найдено лекарства. Но бывает ведь и так, что организм – очень сильный, и тогда исцеление наступает без лекарств. Мы ничего не знаем о смерти, но говорим друг другу: наш мальчик выздоравливает. Мертвые не плачут и не смеются.

Он сидит за нашим столом, но ничего не ест.

Валенки

Владимир Печников

Помню, лет двенадцать мне было, когда сидел дома один и не знал – чем себя занять, какую выбрать одежду из целого вороха, для прогулки по улице, а также – чего бы вкусенького перекусить в переполненном холодильнике. Мучился от безделья, ходил из угла в угол без всякой перспективы. Хорошо, что мама приехала с дачи раньше намеченного времени и, увидев моё смущение от ничегонеделания, рассказала интересный факт из своей жизни, заставивший меня глубоко задуматься.

Когда ей было столько же лет – шла ужасная война, забрав в свои кровавые лапища всех мужиков деревенских. Главу семьи с первых дней мобилизовали и увезли на фронт. А её мама, оставшись одна на хозяйство, болела часто и не знала, как ей самой со всеми делами справиться. Пришлось девочке Фая вместе с бабами деревенскими на лесоповале присутствовать вместо школы и сучки у сваленных деревьев обрубать. А как же? Ведь сестрёнка и двое братишек – мал-мала-меньше были, а их ещё и прокормить надобно. Дед хоть и очень старый, но справил маленький топорик внушке, чтобы какое-то ей было облегчение.

72

Осень-то холодная выдалась уже в октябре, когда, по словам деда, лешие к спячке готовились.

– Файка, подь-ка сюды! Дай-ка ногу-то смерю, авось у лешего совесть проснётся, да подарочек тебе в зиму принесёт за доброту твою и прилежное поведение, кормилица ты наша.

– Какой-такой леший? Деда, ты чего? Боюсь я...

– Добрый он, внуца, добрый...

А ещё рассказала мама, что она у деда часто просила царский золотой червонец показать, который тот берёт словно зеница око на чёрный день для всякого такого случая. Даже когда слишком голодно было, то старик стоял на своём. Ведь это была его награда, мол, сам Николай Второй в империалистическую, приехав на фронт, решил пройти вдоль строя солдат и вручил ему эту монету, когда под рукой георгиевские кресты закончились.

Снежок рано выпал, а Фая в обмотках вместо обуви на работу пошла вечно голодной девочкой. Что-то мелькнуло за поворотом, но она не обратила внимания, но... Углядела глазастая под ёлкой свёрток и раз... А там – валенки! Самые настоящие валенки! Точно ей в пору пришлись! В одном из них, на удивление – больше, чем вполовину сухарей ржаных, да таких вкусных, что запомнила она их на всю жизнь и мне про это рассказала! Мол,

не иначе лесовик-сосновик ей помог в ту самую трудную пору, а сам не показался – испугать не хотел, наверное.

Однажды, после того чуда с валенками, Фая попросилась у деда с золотой монетой поиграть, но тот больше её не показал. Сказал, что на сберкнижку положил, для надёжного сбережения.

Учитель
Алексей Лис

Он никогда не расставался с ней. Когда начинал урок, то вынимал её из портфеля и клал в правом углу своего стола. А затем раскрывал журнал и начинал переключку... Обычный будничным урок. Кого-то вызывали к доске, кому-то ставили «пятёрку» за отлично выполненное домашнее задание. Всё, как всегда. И она. Странная, непонятная нам, таинственная. Зелёная книга. На учительском столе.

Конечно, мы спрашивали наших одноклассников, которые сидели на первой парте, перед учительским столом – что там за книга, что на ней написано хотя бы. А они не знали, не рассмотрели, они пытались, но не смогли, они уставали от наших расспросов. Ведь он всегда клал её обложкой вниз, словно карту рубашкой. И книга притягивала нас подобно магниту. Тайна. Загадка.

Иногда он брал её в руки и расхаживал по классу, объясняя нам новую тему. Но всегда держал её так, что мы не могли подсмотреть обложку. Поначалу нас это интриговало, потом начало беспокоить, а через какое-то время даже стало вызывать раздражение. Мы даже его самого стали называть «Зелёной книгой». И прозвище так и прилипло.

74

- Эй, а Зелёная книга на сегодня что задал?..
– Слышал, урока не будет, Зелёная книга заболел, лафа!..

Однажды после урока, когда весь класс шумно потянулся к выходу, Стасик Амиранов, как самый наглый из нас, спросил его:

- Афанасий Дмитриевич, а что это за книга у Вас? Ну, вот эта зелёная, которую Вы всегда с собой приносите?

И все замерли в ожидании ответа. Ведь это была наша общая тайна, наша загадка. То, что нас в какой-то степени объединяло.

- Это подарок моего друга, – сказал учитель, слегка смутившись. – Об этом сложно рассказать, Станислав. Просто подарок друга. Его уже нет. Он погиб. Но мне так хочется, чтобы со мной была хотя бы его частица. Незримая. Это его стихи в книге. Он был хороший поэт. И хороший друг. Понимаешь?

Больше никто из нас не называл его «Зелёной книгой». Мы поняли. Пусть поняли по-своему, наверное, но друг – это... друг. Это важно. Словно и с нами он, друг учителя, тоже был, незримо. Когда Афанасий Дмитриевич, начиная урок, открывал свой портфель, вынимал из него зелёную книгу и клал её в правом углу своего стола.

Земля – Созвездие Золотой Рыбы. Конкурс афоризмов

**Умение быстро делать выводы – признак большого ума. Умение не
делать быстрых выводов – признак мудрости.**

Михаил Любавин

Людей всегда осуждают по двум причинам: за любовь и за нелюбовь.

Лионель Садорро

Мудрость – это банальность, сказанная к месту.

Михаил Любавин

Многоточие – это след мыслей уходящих со страницы.

Сергей Че

Письма в прошлое всегда приходят с опозданием.

Эризн

75

**Проблема часто не в том, чтобы поймать золотую рыбку, а в том, чтобы
правильно её монетизировать.**

Андрей Яковлев

Земля – Созвездие Дракона. Конкурс сказок

Сказка о первом воздушном змее

Marara

Случилось это давным-давно. Самолеты по небу еще не летали, машины по дорогам не ездили, а в лесах жили не только звери, но и волшебники. Однажды из крохотного змеиного яичка вылупился симпатичный, неядовитый змееныш.

Сначала все вокруг ему понравилось: и яркие цветы, и пестрые бабочки, и синее небо с жарким солнышком. Но через день-два малыш грустит. Ведь даже в те, стародавние времена змеиные мамы со своими детишками не играли и носы им не вытирали; а братья и сестры змееныша успели расползтись кто-куда. А одному – скучно. И пополз змееныш искать себе друга.

Полз он, полз, и встретился ему зайчик. Но только зайчик увидел змею, он подпрыгнул чуть ли не до неба и ускакал далеко-далеко. Зайцы и тогда были большими боягузами! Попробуй с таким трусишкой подружись!

Вдохнул змееныш и пополз дальше.

Вдруг он видит: сидит на ветке птичка.

– Здравствуй, птичка! – прошипел змееныш – Не хочешь ли ты со мной подружиться? Мы будем играть вместе!

– Цвинь! – ответила птица, и перелетела на ветку повыше. – Ты – глупый! Разве птицы могут играть со змеями? Птицы летают, а змеи – ползают! Ищи тех, кто ползает, и они будут с тобой играть!

– А где же я их найду, – удивился змееныш, – если вокруг все прыгают или летают?

– Не знаю! – ответила птичка. – Не мое это дело!

И она взмыла в небо, оставив обескураженного змееныша далеко внизу. Но, наверное, ей стало жалко маленького чудака, а с высоты гораздо лучше и дальше видно, поэтому через минуту птица вернулась на ту же ветку.

– Эй, глупыш! – позвала она, – Тут за кустом ползет большая гусеница! Она тоже ползает и чем-то на тебя похожа. Может она станет играть с тобой?

Змееныш обрадовался, и пополз знакомиться с гусеницей. Оказалось, у нее тоже нет товарища по играм, и они быстро подружились. Ведь вдвоем – куда веселее и интереснее: можно сыграть в догонялки и в прятки, можно поделиться услышанными историями. Каждое утро змееныш и гусеница встречались у того же куста, чтобы провести вместе день.

Но однажды поутру малыш не нашел своей приятельницы: на кусте висел лишь странный выпуклый листик.

– Цвинь! Это твоя подружка, глупыш! – услышал он голос знакомой птички. Она свила гнездо неподалеку и часто наблюдала за играми приятелей. – Не

буди ее! Когда гусеница забирается в кокон, она называется куколкой; но она непременно из него вылезет, рано или поздно!

– Лучше бы рано! – прошипел змееныш, – А то мне без нее скучно!

И каждое утро он приползал к кусту проверить, не проснулась ли его подружка.

И однажды она действительно проснулась и вылезла из лопнувшего по швам листочка-кокона. Но на себя гусеница была уже не похожа: на спине ее красовались пышные яркие крылья.

– Гусеница, как я тебе рад! – радостно зашипел змееныш. – Во что мы будем играть: в догонялки или прятки?

– Но я не смогу играть с тобой в догонялки! – удивилась гусеница, – Ведь я теперь – бабочка! У меня за спиной крылья. Я летаю по небу, а ты ползаешь по земле!

И бабочка упорхнула в небо. А змееныш очень расстроился.

– Как же мне догнать ее? – спросил он себя и, опираясь на хвост, попытался подпрыгнуть повыше вверх; но тут же упал и даже ушибся.

– Цвинь! Что ты делаешь? – раздался сверху голосок знакомой птицы. – Неужели, ты так танцуешь?

«Я пытаюсь летать!» – ответил малыш, – «Все кого я с кем я хочу дружить – летают! Гусеница – и та улетела! Когда же у меня вырастут крылья, как у гусеницы?»

77

– Цвинь! Не городи ерунды! – удивилась птичка. – Гусеница превратилась в бабочку! Все знают, что гусеницы всегда становятся бабочками, и у них вырастают крылья. А змееныши превращаются в змеев; но про змеев с крыльями никто никогда не слышал... Если тебе так нужны крылья, ползи к волшебнику, который живет в домике на опушке! – добавила она, увидев, что маленький змей очень огорчился. – Волшебники любят совершать разные чудеса. Но берегись! По лесу летают совы, которые могут тебя съесть!

И маленький змей пополз к волшебнику. Полз он целых два дня и две ночи хоть ему было очень страшно: по ночам в темных кронах деревьев то и дело ухали совы и филины, а траве шелестели ежи, которые тоже могли его скушать. Но оказалось, что полз он зря: волшебник отказался подарить ему крылья.

– Я уже подарил крылья твоему прадеду – Змею Горынычу! – сказал волшебник – Он носился по воздуху и всех пугал. Вас, змеев, все боятся, вы слишком страшные. И я тогда пообещал, что никогда больше не стану давать змеям крылья.

Маленький змей очень огорчился. Он бы заплакал, но змеи не умеют плакать. Поэтому он свернулся клубком на пороге домика волшебника и свесил голову со ступенек, как неживую. А в это время во двор вышла дочка волшебника с большим куском ватмана и красками в руках. Она как раз собралась порисовать на солнышке, и увидела печального гостя.

– Почему ты грустишь? – спросила она его.

– Я страшный!– сказал ей змей.– Все меня боятся и не хотят со мной играть! А волшебник не дает мне крылья, и я не могу полететь в небо за моей подружкой гусеницей, ставшей бабочкой!

Дочка волшебника не была ни принцессой, ни волшебницей – обыкновенная симпатичная девочка с добрым-предобрым сердцем. Она пожалела бедного змея, и решила ему помочь.

– Послушай,– сказала она, – ты совсем не страшный! Я же тебя не боюсь! И я сделаю тебе крыло, одно, ведь у меня лишь один кусок ватмана, но ты все равно полетишь в небо! И никто не будет тебя бояться!

И девочка нарисовала на куске ватмана очень веселую, улыбающуюся физиономию и раскрасила ее яркими красками, а потом прибила ватман к легкой рамке и привязала к ней же клубок с ниткой.

– Это чтоб ты не улетел насовсем, – пояснила она змею, – Если ты не вернешься ко мне, как же мы будем с тобой опять играть? Хватайся зубами за уголок рамки!

Змей вцепился в уголок рамки, а девочка подняла ее над головой и побежала. Тут налетел ветер, и змей вместе с ватманом взмыл высоко-высоко! Ни одна бабочка так высоко не поднимается в небо; только некоторые птицы парили рядом с ним в воздухе.

И никто змея не боялся. Напротив, все ему радовались и приветливо махали с земли руками; ведь снизу видна была лишь веселая дружелюбная физиономия, нарисованная дочкой волшебника.

Оказалось, что парить в воздухе очень приятно: куда приятнее и увлекательнее, чем играть с гусеницей в прятки и догонялки.

И змей твердо решил, что будет летать по воздуху всегда, когда у дочки волшебника будет время и желание играть в эту новую замечательную игру.

Так появились первые воздушные змеи – верные и преданные друзья всех девчонок и мальчишек.

Кошка сдохла, хвост облез

Джон Маверик

За окнами сгустилась теплая вечерняя тишина. С крыши соседской террасы стайкой вспорхнули крошечные серебряные звездочки и, весело чирикавая, расселись по проводам. Бледно-лиловый месяц по самые рожки увяз в липком мазуте темнеющего неба. Маленький мальчик сидел на поросшем солнечными весенними цветами ковре и играл.

Родители собирались в гости. У тети Розы сегодня день рождения, и она пригласила всех-всех-всех. И дядю Антона, и бабушку Софи, и кузена Ференца с Эрикой, и маму, и папу, и сестру Лиз, и Йонаса... и еще полпоселка. Но Йонас, как на беду, подхватил scarлатину, и теперь ему придется остаться дома. Одному.

– Почему одному? – возмутилась толстая кошка Лика, лениво растянувшись на пуховике у газовой печки. – А я?

– Толку от тебя, лежебока, – презрительно отозвался папа. – За собой последить не можешь, как тебе ребенка доверить?

– Сынок, мы скоро вернемся, только поздравим тетю Розу, – сказала мама. – Не будешь бояться? Как горло, болит?

Йонас сглотнул. Болит, конечно, но терпеть можно. Ничего, справится, он уже большой.

– Мам, идите. Я не боюсь.

– Я за ним присмотрю, – заявил резной дубовый шкаф. Он был в доме самым старшим, и родители знали, что на него можно положиться.

– Да? Ну, хорошо, – папа грузно опустился на диван, так, что тот даже крякнул от неожиданности. – Извини, пожалуйста, – папа погладил диван по плюшевой шерстке. – Не хотел сделать тебе больно. Так мы идем или нет? Лиз?

Они опаздывали на сорок минут. Сестра непременно хотела взять с собой куклу Генриетту. Но кукла слишком долго крутилась перед зеркалом, расчесывала золотые локоны, красила губы, завивала щипчиками длинные пластмассовые ресницы, примеряла то одни, то другие стеклянные бусы.

– Неудобно как, – пожаловалась мама. – Мы всегда приходим последними.

– Да красивая, красивая, – поторопило куклу зеркало. – Хватит наряжаться, Люди сердятся.

Папа все выразительнее поглядывал на стенные часы, которые только смущенно моргали и беспомощно разводили стрелками.

– А я красивая? – подскочила к зеркалу Лиз. – Тебе нравится моя кофточка? – она картинно обернулась через плечо, расправляя кружевной воротничок. – Новая!

– Человек всегда красив, – ответило зеркало, почтительно скопировав ее огненные мышинные хвостики, растрепанную челку, острые скулы и чуть вздернутый, усыпанный нежными, как топленое молоко, веснушками нос.

– Лиз, завяжи мне бантик, – попросила кукла.

Наконец, все собрались. Сестра взяла Генриетту за руку, папа закутал в полиэтилен огромный букет красных гладиолусов, мама поцеловала Йонаса в лоб, и они ушли.

Как только дверь за родителями захлопнулась, дом пришел в движение. Вещи наперебой пытались успокоить и развлечь больного мальчика.

– Йонас, милый, – закудахтала кухонная плита. Она была квадратной, неповоротливой и немножко глуповатой, зато очень доброй, и все время стряпала что-нибудь вкусное. – Сейчас я тебе молочка согрею. С медом.

– Молока нет, – сказал холодильник.

– О чем же ты думал? – возмутилась плита. – Тогда чаю заварю, – пообещала она Йонасу, и уже через пять минут на кухне тоненько, как обиженный щенок, заскулил закипающий чайник.

Йонас полулежал, рассеянно поглаживая ладонью бархатистые травинки ковра, и ждал, когда на том созреет, наконец, земляника. Чай с земляникой – это так вкусно! Но в белых цветочках только-только завязались твердые зеленые ягоды. Пока они поспеют, пройдет час или два.

– А я умею прыгать на одной ноге! – похвастался стул и лихо проскакал через всю комнату, но споткнулся, ножки у него разъехались, как у олененка Бэмби на льду, и он грохнулся на пол.

– Ой! – испугался Йонас. – Ты не ушибся?

– Все в порядке, – храбро ответил стул, хотя видно было, что он хорохорится, и, прихрамывая, заковылял к стене.

Мальчику стало скучно. Он встал, постоял у письменного стола, на полированной поверхности которого резвился целый выводок новорожденных настольных лампочек. Смешные и неуклюжие, лампочки-малыши напоминали пушистых утят с фонарями в клювиках. Йонас окунул руку в темное лакированное озеро, и тут же по пальцам забегали радостные пятнышки лимонного света.

И тут мальчика осенило. Он придумал, как можно интересно и весело провести время до возвращения родителей.

– А давайте играть в такую игру, – предложил Йонас, и столпившиеся вокруг него предметы с готовностью закивали. – Называется молчанка. Кто первый что-нибудь скажет или пошевелится – проиграл. Ну?

Конечно, все хотели играть: шкаф, стулья, зеркало в коридоре, письменный стол и настольная лампа, кровать и этажерка с книгами. Только ленивая кошка Лика скептически жмурилась.

– Начинаем, – торжественно провозгласил Йонас. – «Кошка сдохла, хвост облез, кто промолвит, тот и съест. Раз, два, три!»

Он обвел взглядом притихшую комнату. Вещи молчали и не шевелились. Выгнув жесткие металлические спинки, застыли стулья, попрятались за занавеску лампочки-утята, съежился и завял зеленый ковер на полу.

Мальчик прошелся по квартире: все играли честно. На кухне его ждала чашка горячего чая с лимоном и на блюде – кусок пирога с малиной и со взбитыми сливками. Плита постаралась. Йонас сел за неподвижный стол, и стол не пожелал ему приятного аппетита. Буфет не смеялся и не шутил, а холодильник не предлагал попробовать новый йогурт или охлажденный апельсиновый сок. Мальчик быстро управился с пирогом и по привычке сказал плите «спасибо», но та не ответила. Никто не хотел съесть «дохлую кошку».

То-то удивится сестра, когда ее болтушка и модница Генриетта вдруг перестанет краситься, выключивать платица и заколочки, хвастаться новыми прическами. А плюшевый мишка не будет больше перед сном рассказывать сказки. Надо все объяснить Лиз, а то она, чего доброго, испугается.

«Интересно, сколько они выдержат? – размышлял Йонас. – Кто первым заговорит? Уж точно не шкаф и не письменный стол, они важные и серьезные. Может быть, плита? Сервант? Хрустальная люстра в гостиной? Генриетта? Интересно, кто проиграет?»

Мальчику нравилась игра. Она нравилась ему с каждым днем все больше и больше.

– Деда, сделай мне голубя, – попросила Аника, бойкая голубоглазая девочка, вылитая Лиз в детстве, с такими же пламенеющими, как вечернее солнце, косичками и россыпью золотых конопушек по всему лицу.

– А мне черепашку! – подхватил четырехлетний Тоби.

– Мне китайский фонарик!

– Кораблик с двумя трубами!

– Бабочку!

Йонас неловко приподнялся, держась за подлокотник кресла, и кряхтя потянулся за листом бумаги.

– Сейчас, ребята, давайте по очереди. Кому первому?

– Мне!

– Мне!!

– Мне!!!

– Сделай сначала Тоби, он самый маленький, – рассудительно предложила Аника.

– Хорошо, – Йонас ласково улыбнулся девочке и начал сворачивать из листка черепашку.

На самом деле ни Аника, ни Тобиас его внуками не были, так же как и Мариус, Герда, Лук и Петер. Бог не дал Йонасу детей, но ребяташки троих дочерей Лиз называли его «дедом».

Раньше старик мастерил для них птичьи и кроличьи домики, выстругивал садовых гномиков из мягкого смолистого дерева, из фанеры выпиливал фигурки для театра теней. Но после перенесенного инсульта правая рука

плохо действовала и не могла удерживать молоток или лобзик. Йонасу оставалось только складывать оригами, и исполнял он это виртуозно, приводя маленьких гостей в восторг каждой новой бумажной веточкой, корабликом или зверюшкой. Аника и Герда потом составляли из его поделок аппликации, наклеивали их на картон и раскрашивали в разные цвета.

Ходить тоже стало трудно. Правую ногу Йонас приволакивал, а левая почти все время болела. Поэтому большую часть дня он сидел в соломенном кресле у окна, глядел на облитую густым янтарным блеском улицу, грелся на солнце, думал, вспоминал. Старики живут прошлым или настоящим, но никогда – будущим.

Он не жаловался. Да, жизнь такая. Не плохая и не хорошая, скорее даже хорошая, чем плохая. Только бессмысленная. Вырастить сына – не получилось, а они так хотели малыша, несколько раз пытались, но после пяти выкидышей жена сказала «все, хватит». Потом собирались взять сиротку из приюта, но жена заболела и стало не до того.

Дом он, Йонас, не построил. Дом – это ведь не четыре стены, а место где тебя по-настоящему любят. А кто любит Йонаса? Детишки вот, племянники... Сестра не забывает, навещает иногда. Но они – не часть дома. Придут и уйдут.

Ему смутно представлялось что-то полузабытое, приснившееся или нафантазированное. Воспоминание о доме, где даже самая крохотная вещичка любила его, Йонаса. Его собственная живая и разумная вселенная, которую он умертвил глупым заклинанием. «Кошка сдохла, хвост облез...». Йонас улыбался через силу, хотя на душе было невесело. И где-то на задворках сознания, как жучок-короед, копошилась страшная догадка, что все это не сон и не выдумка, что одной нелепой фразой можно сломать прекрасный, гармоничный мир.

– Ну, кто у нас еще остался? – спросил Йонас.

Без подарка осталась Герда, его любимица. Тихая бледная девочка, читает с трех лет, полная противоположность своей рыжеволосой кузине.

Он бережно усадил ребенка себе на колени и принялся за последнюю бумажную фигурку – бабочку. Коварно заныла нога, не парализованная, другая. Но Йонас не шелохнулся и продолжал складывать листок, аккуратно разглаживая его на сгибах, а девочка заворуженно смотрела, как под узловатыми пальцами деда из простого листа бумаги рождается крылатое волшебство.

– Готово.

Герда легко соскользнула с его колен.

– Дед, пока! Не скучай!

Он видел, как ребятня пригоршней разноцветных конфетти высыпала во двор. Скучать Йонас не собирался. Вечером обещала зайти Лиз, надо испечь ее любимый пирог с черной смородиной. Сестра неплохо готовила, но печь

так и не научилась. А Йонас научился. Зря не попросил Анику купить сливки, ну ничего, можно и без них. А ягоды он соберет в саду.

Йонас поднялся с кресла, сделал шаг, но... нога, на которой сидела девочка, стала как ватная, подогнулась, и старик, не удержав равновесия, тяжело рухнул на пол. Лодыжку обожгла такая острая боль, что из глаз Йонаса потекли слезы.

Он попытался встать, но не смог. И до телефона не дотянуться, он высоко, на полочке. Если не станет легче, придется лежать до прихода сестры... Он вдруг вспомнил, что Лиз хотела зайти не сегодня, а завтра. Не валяться же на полу целые сутки? И голова кружится... только бы не еще один инсульт. Разве что постараться доползти до входной двери, позвать на помощь соседей. Унизительно, стыдно, но ничего не поделать. Йонас стыдился собственной беспомощности, страха, жалких стариковских слез. Жену хоронил – не плакал, а тут... Хорошо хоть, что не видит никто.

Но его видели.

– Эй, мы так не договаривались! – возмутился шкаф. – Чего ревешь-то? Это же игра!

– Шкаф, ты съел «кошкин хвост»! – хихикнула настольная лампа.

– Да погоди ты... Ну вас всех. Человека до слез довели!

Обеспокоенные вещи сгрудились вокруг Йонаса, лампа изогнула длинную лебединую шею и осветила ему в лицо, ковер робко пощекотал травинкой босую пятку.

– Игра... игра... – недовольно бубнил письменный стол. – Так и заиграться недолго!

Посреди комнаты на зеленом ковре сидел маленький мальчик и горько плакал.

Сказка о Маленьком Одуванчике

Лионель Садорро

Маленький Одуванчик стоял в траве. Он только сегодня утром появился на свет и ещё ничего не знал. Ему было просто хорошо, оттого что его греет солнце и ветер треплет макушку. И ещё ему нравились маленькие белые непонятно что. Они летали вокруг Одуванчика, садились на траву, снова взлетали...

– Кто вы? – спросил Маленький Одуванчик. Может быть, задавать такие прямые вопросы и бестактно, но Одуванчик не подумал об этом, он был ещё маленький.

– Мы – Пушинки Тополя, – ответило одно непонятно что.

– А я – Маленький Одуванчик.

– Ну что ж, тоже неплохо.

Одна Пушинка, не рассчитав, врезалась прямо в Одуванчика. Он чихнул, и Пушинка упала на его зелёную ладошку. Одуванчик рассмеялся:

– Вы такие... ласковые, мягкие! А Тополь – это кто?

– Ну... – замялась Пушинка, – это такой... высокий, очень-очень высокий... Я не могу объяснить.

– А я – высокий? – спросил Маленький Одуванчик; он не знал, что это такое, ведь он только сегодня появился на свет.

– Нет, ты маленький, очень-очень маленький, – ответила Пушинка.

«Это верно, – подумал Одуванчик, – меня ведь так и зовут: Маленький Одуванчик. Но если Тополь высокий, то, наверно, я смогу увидеть его, задрав голову».

Так он и сделал. И, конечно, увидел синее небо с белыми облаками. И, разумеется, он не знал, что это облака. Ему никто ещё не говорил об этом.

А облака тоже ничего не знали о Маленьком Одуванчике, они его просто не видели с высоты.

Не думайте, они вовсе не важничали и не гордились тем, что они – выше всех. Просто они были заняты своим делом и не смотрели по сторонам. Это ведь только с Земли кажется, будто облака от нечего делать беспорядочно несутся, подгоняемые ветром. А на самом деле у каждого облака есть свой курс, как у корабля. И очень важно проделать весь путь по небу так, чтобы не опоздать и не прийти раньше времени, чтобы не присоединиться к тем, кто тебя вовсе не ждёт. Чтобы дети с Земли видели не просто бесформенные куски ваты, а корабли, слонов, цветы, морские волны и летучих всадников. Дети видят очень многое, особенно когда рядом нет взрослых.

Всего этого Маленький Одуванчик, конечно, не знал. Он просто смотрел на облака и думал: «Наверное, это и есть Тополя, ведь Пушинки летят именно оттуда, сверху. И они такие же белые и мягкие».

Неизвестно, с чего Маленький Одуванчик взял, что облака мягкие, но если дети чего-то не знают, они думают об этом по-своему.

Дни шли за днями, Маленький Одуванчик подрастал, а Пушинки Тополя всё падали и падали сверху. И никто не объяснил малышу, что Тополя – это вовсе не те белые и большие, которые плывут высоко в небе. Да Маленькому Одуванчику это было и не нужно; его завораживал сам полёт, та непонятная игра, которую вели его Тополя. Они плыли, плыли неторопливо, а потом почему-то оказывалось, что вместо двух или трёх маленьких Тополей – один такой большой, что может закрыть солнце. И тогда Маленький Одуванчик прятался. А в те дни, когда был сильный ветер, Тополя неслись так, словно опаздывали куда-то. Они толкали друг друга, рассыпались и вновь собирались в одно большое и белое, и Маленькому Одуванчику хотелось улететь вместе с ними. В его зелёном теле натягивались какие-то струнки, они звенели под порывами ветра и, казалось, ещё чуть-чуть – и Маленький Одуванчик оторвётся от Земли. Но этого ни разу не случилось.

– Почему я не улетаю? – пожаловался однажды Маленький Одуванчик Ветру.

– А ты и не должен летать.

– А почему летают Тополя?

– Тополя? – удивился Ветер.

– Да, – Одуванчик указал вверх и с тревогой посмотрел на Ветер: он не мог объяснить смутного беспокойства, возникавшего в нём при виде белых Тополей.

Ветер внимательно посмотрел на облака, потом, ещё внимательней, на Маленького Одуванчика.

– Ты думаешь, что это Тополя? – спросил он.

– Да, – ответил Одуванчик.

«Надо же, – подумал Ветер, – он похож на меня. Я тоже в детстве думал, что Тополиные Пушинки слетают с облаков. Но как давно это было...»

Маленький Одуванчик прервал его раздумья новым вопросом:

– А куда они летят?

– Они летят туда, где кончается ветер.

– Но ветер – это же ты.

– Да. И есть место, где меня нет.

– И что тогда делают Тополя?

– Они... не знаю... что-нибудь.

Однажды вечером пошёл дождь. Маленький Одуванчик завернулся в зелёный капюшон и уснул под шум воды. И всю ночь ему снились белые Тополя, которые звали Маленького Одуванчика к себе.

«Как только я стану Тополем, я обязательно приду к вам», – пообещал Одуванчик и проснулся.

Солнце уже светило вовсю, но на траве вокруг Одуванчика остались капельки от ночного дождя. Маленький Одуванчик решил умыться, поднёс к лицу ладони... и увидел в воде своё отражение: вместо прежних пшеничных прядей у него были белые и прямые, как палочки, волосы.

«Вот это да!» – подумал Одуванчик и потрогал макушку рукой. Он ощутил что-то мягкое, шелковистое, как Пушинки Тополя.

Маленький Одуванчик вспомнил свой сон:

«Неужели я и вправду буду Тополем? Ну конечно!» – и он подпрыгнул от радости.

Всем, кто в этот день проходил, пролетал или пробежал мимо него, Маленький Одуванчик говорил:

– Я буду Тополем! Видите, какой я стал белый, пушистый? Скоро я стану Тополем и буду летать высоко-высоко!

Тополиные Пушинки ласково улыбались и кивали. Они не хотели огорчать малыша и потому ничего не говорили ему. Что страшного в том, что Одуванчик мечтает стать Тополем и летать?

Появился Ветер. Маленький Одуванчик и ему сказал:

– Посмотри, у меня теперь другая причёска, я скоро стану Тополем. Ты же унесёшь меня туда, в небо?

Ветер усмехнулся в ответ:

– Унесу. Но почему ты думаешь, что станешь Тополем?

– Видишь, Тополя там, наверху, – Маленький Одуванчик задрал голову, – от них отрываются Пушинки и летят вниз. А теперь я весь из таких вот Пушинок, значит, они все полетят вверх и будут Тополем.

– Ты рассуждаешь умно, малыш, – произнёс Ветер и подумал: «Никогда в жизни не встречал такого забавного мальчишки. Даже жалко разубеждать его. Легче осуществить мечту!» Он хорошенько разбежался и изо всех сил рванулся вперёд.

Маленький Одуванчик почувствовал, что ноги теряют опору, что голова кружится, а в груди что-то трепыхается, словно птица.

«Я лечу, – с замиранием в душе понял он. – Я лечу к Тополям. Я сам буду таким же большим, белым, мягким. Я буду сбрасывать на Землю Пушинки, которые прорастут и станут Маленькими Одуванчиками. И те снова будут превращаться в Тополя. А я буду большим-большим Тополем. Я буду разговаривать с Небом. И я тоже полечу туда, где кончается Ветер».

Не пара

Ольга Альтовская

Она была давно и безнадежно в него влюблена, эта маленькая Стиральная Машина. С тех самых пор, когда увидела его впервые в магазине бытовой техники. Красавец Холодильник тогда поразил её воображение своей статью: большой, величественный, невозмутимый и белый, как айсберг. Она была умна и понимала, что у неё мало шансов на взаимность: они слишком разные и внешне, и внутренне, слишком далеки друг от друга – но мечтала. Не о многом: просто быть рядом, смотреть на него, прикасаться, ощущать его тепло! Она ещё не знала, какие непохожие судьбы уготованы им Высшими силами, не ведала, какие переживания выпадут на её долю. А кабы знала, то запретила бы себе даже думать о нём!

Но тогда, в самом начале, случилось почти чудо. Их купили в один день и привезли в одну квартиру. И только она обрадовалась такому случаю, как тут же пришло горькое разочарование. Да, они находились под одной крышей, но в разных местах. Его поставили в просторную и светлую кухню, а её – в тесную и тёмную ванную комнату. И вот уже долгие-долгие годы он был таким близким и таким далёким! Иногда, когда дверь в ванной была неплотно закрыта, она видела в щёлочку его блестящий белый угол и горько вздыхала.

87

– Бедняжка! Как она его любит! – жалели её друзья: Стеклянная Полочка, Раковина и Резиновый Коврик. А Латунный Кран так за неё переживал, что плакал. Из него то капали, то ручьём текли слёзы, и Раковине приходилось его утешать: «Мы все по-своему несчастны...»

Шло время, а Холодильник был всё так же недосягаем...

– Брось ты по нему сохнуть! – уговаривала Машинку её подруга Чугунная Ванна. – Ничего у вас с ним никогда не выйдет. Кто ты, и кто он! Займись делом!

И Стиральная Машина соглашалась с ней, понимала, что глупо на что-то надеяться. Работая, отвлекалась. Но в перерывах между стирками продолжала сохнуть.

Чугунная Ванна имела авторитет среди обитателей санузла. Она славилась глубиной и весом, и гордилась, что купала в себе не одно поколение жильцов квартиры, а некоторых даже пережила. Она опекала Стиральную Машинку. Ей нравилось, что та обожает чистоту, не боится испачкаться, любит

работать. А главное – несмотря на то, что через неё проходит столько грязи, остаётся чистой внутри и верной своему идеалу.

Машинка дружила с Чугунной Ванной и совсем не обращала внимания на соседа, который давно к ней приглядывался. А сосед, Фаянсовый Унитаз, обижался: чем он хуже Холодильника? Он тоже белый и блестящий, тоже открывается и закрывается. Правда, меньшего размера, но зато рядом, всегда под боком. К тому же у них с Машинкой много общего: он, как и она, любит чистоту и не боится испачкаться. А в сравнении с Холодильником – обладает ценным качеством: не делится сокровенным и умеет хранить тайны.

– Обрати на меня внимание! – шумел его смывной бачок...

Но разве Унитаз мог сравниться с Холодильником?! Её кумир стоял на почётном месте в кухне, вёл сытый и размеренный образ жизни, довольно урчал, охотно открывал дверь гостям и даже, зажигая свет, позволял исследовать закоулки своей широкой души, удивляя и восхищая взгляд разнообразием содержимого. Он был в почёте, он был полон идеями и щедро делился своим богатым внутренним миром со всеми страждущими. Барин! Аристократ!

88

– А я простая прачка, стиралка, – думала о себе Стиральная Машинка. – Прислуга... Рядом с ним такие красавицы как Газовая Плита, Посудомоечная Машина... Куда мне до них?..

Бедняжка завидовала подругам Холодильника. И только его сожительница, зазнайка Микроволновка, вызывала у Стиральной Машинки не зависть, а страх. Какой-то мистический ужас обуревал её, когда она пыталась понять, каким силам служит эта краля? Она считала её ведьмой. Вот как может быть такое: еду греет, а посуда холодная! А характер?.. Точно ведьма! До ванной дошли слухи, какой она устроила разгром, когда в ней решили сварить яйцо. Просто кошмар, что было! Думали, дом взорвёт! Надо бы Холодильник предупредить, чтобы держался от неё подальше...

Жизнь текла, как вода. Стиральная Машина крутилась, как белка в колесе, и продолжала работать, и продолжала сохнуть... В трудах и переживаниях старела, постепенно начались перебои в работе. И в один какой-то день она сломалась... Хозяева купили новую, а её отнесли в сарай, и вскоре все про неё забыли.

А Холодильник вообще вряд ли знал о её существовании. У него была совсем другая жизнь, наполненная открытиями и впечатлениями. Но и она подошла

к концу. Он тоже сломался. Его отнесли в тот же сарай и поставили рядом со Стиральной Машиной.

И вот наконец её мечта исполнилась! Он был рядом с ней! Она могла о нём заботиться, подставляя своё плечо! Она могла его боготворить, осязать, не боясь соперниц! Она даже ради него ржавела быстрее, принимая на себя все тяготы неустроенного сарайного быта... Но всё напрасно. Холодильник был холоден. Его не трогали чувства старой прачки. Он пользовался её поддержкой. Приспособился, но жил воспоминаниями о прекрасном сытом прошлом и просто позволял ей себя любить. Такой близкий и такой далёкий, он так и не снизошёл...

Им было суждено доживать вместе и умереть вместе – сгорая и плавясь в одной печи вместе с другим металлоломом. Но только там, на волосок от смерти, им дано было познать восторг и непостижимость мгновений – в страстных объятиях друг друга. Только там они были близки как никогда и, сгорая, ни о чём больше не мечтали. Только несколько мгновений подарили им Высшие силы. И только тогда их души и тела, образовав новый сплав, соединились навсегда.

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурс рассказов

Сказка для Аленки
Наталья Сафронова

Алена смотрит на воду, словно впитывает в себя благодатную влагу. За окном ни облачка, асфальт плавится от жары, а на холсте плещутся волны, брызги летят с полотна, и становится легче дышать. Нелли умеет рисовать воду. Вдруг в окно застучал дождик.

– Ты волшебница, Нелли, – тихонько засмеялась Аленка.

– Надоела жара, – улыбнулась подруга, сделала несколько точных мазков кистью, и по волнам поплыл белый парусник.

– Как мечта, – вздыхает Алена.

Нелли рисует крошечную фигурку на берегу, и Аленке кажется, что она узнает в этой девочке себя. Шепчет:

– Хорошо встречать и провожать корабли.

Она приходит в мастерскую художницы за сказкой. У самой Аленки есть только суровые, даже беспощадные будни. Пьющая мать, старенькая бабушка и младший братишка. Мысли девочки потекли по другому руслу. После дождя пойдут грибы, она соберет во дворе свинухи, бабушка пожарит их с картошкой. А сейчас ей пора в садик за Ванечкой. Аленка представила, как они пойдут с братишкой под дождем, найдут щепку, пустят ее в лужу, как кораблик.

Девочка задержалась у двери, неожиданно даже для себя прочитала стихи:

Не на земле я, немножечко над.
Я не хожу, а почти что летаю,
вместе со снегом весною я таю
и за окошком кружу в снегопад.

Не на земле я, немножечко над...
Сверху прекраснее город – и тише.
Призрачней свет и уютнее крыши,
а надо мною лишь звезды летят.

Не на земле я, немножечко над.
Руки раскинув, я чувствую ветер.
Лес потемнел – и почти незаметен...
Длится и длится полет – и уже
не вернуться
назад...

– Хорошие стихи, – задумчиво сказала Нелли. – Твои? Не бросай, пиши.

Аленка с признательностью взглянула на старшую подругу – и убежала, тоже неожиданно для себя. Во дворе мастерской нашла окна Нелли, махнула ей рукой и зашагала к остановке. Вспомнила, как класснуха запретила публиковать стихотворение в стенгазете. Это было в начале учебного года, Алена тогда впервые решилась поделиться измучившими ее строчками. Втайне она надеялась, что их прочитает Димка. Однако учительница сказала: это не стихи. С тех пор девочка перестала писать, а если строчки робко стучались, сглатывала их вместе с подступавшим к горлу комом.

А в начале лета на проспекте художников познакомилась с Нелли, увидела лопоухого мальчишку на картине, сказала:

– Я его знаю, это Димка.

– Правда? – засмеялась девушка. – А я-то думаю, кого нарисовала? Оказывается, Димку.

Мальчишка плыл на лодке, играя на дудочке, а за ним, как замороженные, шли крысы.

– Они утонут! – нахмурилась Аленка.

– Мальчик спасает город от крыс, – объяснила художница.

– Димка может, – улыбнулась девочка.

– Димка – твой друг?

– Нет, – мотнула головой Аленка. – Он меня не замечает. Меня никто не замечает.

Художница внимательно посмотрела на нее и пригласила к себе в мастерскую.

После того, как Аленка прочитала Нелли стихи, им стало совсем легко общаться. Девочка рассказала старшей подруге про свинухи, бабушку, Ванечку и маму. Нелли дала ей кисточку:

– Рисуй. Когда особенно трудно – помогает.

Аленка осторожно провела линию и замерла. Потом нарисовала цветок, еще и еще. Получилась целая поляна цветов.

– Неплохо, – улыбнулась Нелли.

Аленкина душа жаждала этого тихого признания, как пересохшая земля влаги.

– Ну как стихи, идут? – спрашивала Нелли.

Девочка пожимала плечами, потом распрямлялась, как тянущийся к солнцу росток. Нелли стала для нее всем: и дождем, и солнцем. Было непонятно, как Аленка жила до встречи с Нелли, как выжила?

Однажды у Нелли в мастерской были гости, тоже художники. По просьбе подруги Алена прочитала свои стихи.

– Талантливо, – сказал один из художников, с бородкой, самый старший и, как показалось девочке, самый важный. Потом он налил всем вино, а Аленке сок. Девочка попросила:

– Нелли тоже сок налейте, пожалуйста.

Все засмеялись, а Нелли внимательно посмотрела на Аленку и отодвинула свой фужер с вином. Сказала:

– Я тоже буду пить сок, Борис.

Потом все смотрели работы, которые Нелли готовила к персональной выставке. Девушка выносила картины по одной и ставила на подрамник.

Борис говорил:

– «Крысолов» – это глубоко. И «Парусник» тоже.

– Ты думаешь? – сомневалась Нелли. – А вы как считаете?

Все соглашались, да, это выставочные работы.

– А вот эта? – Нелли показала «Девушку на лугу». Девушка шла по лугу и обернулась, и посмотрела прямо на Аленку.

– На мою маму похожа, – сказала девочка.

– Солнца-то сколько! – ахнула одна из художниц.

– Это лучшая работа, – заметил Борис.

Нелли замерла на мгновение – и отставила картину в сторону. Потом все смотрели еще какие-то картины, но Аленка не могла отвести взгляд от девушки на лугу, которая чем-то неуловимым была похожа на ее маму, вернее, на мамину фотографию в юности. Сейчас, конечно, мама была другая, старше и пасмурнее. А на фотографии и на этой картине – веселая и счастливая.

Аленка допила сок и собралась уходить. Нелли проводила ее до двери и сказала:

– Подожди секунду.

Вернулась с картиной:

– Это тебе.

Аленка летела домой, почти не касаясь земли, как будто на сандалиях выросли крылышки. Неожиданно ее окликнул Димка. Увидел девушку на картине.

– На тебя похожа, – удивился мальчик, что-то новое было в его взгляде.

Аленка засмеялась:

– Это хорошо.

Дома взяла молоток, вбила в стену гвоздь и повесила картину. Расставила стулья и усадила на них бабушку, Ванечку и маму.

– Мама, – обрадовался малыш, показывая пальчиком на «Девушку на лугу».

Бабушка промокнула глаза, а мать замерла, тихонько щурясь, словно от картины исходило сияние.

– У тебя волосы, как у Рапунцель, – вздохнула Алена, бережно расчесывая маму. Сглотнула подступивший к горлу ком: очень хотелось верить в сказку.

Примечание:

В произведении использовано стихотворение Натальи Сафроновой «Не на земле я, немножечко над...»

И что теперь?

Джон Маверик

Односельчане ворвались к Люку в шесть часов утра, когда он еще сидел за столом – в пижаме и ночной шапочке – собираясь завтракать.

– Скорее! Скорее! – загалдели они. – Идем с нами!

– А что случилось? – протер глаза Люк.

– Учитель сошел с ума! Он больше не дает советов, а вместо этого городит какую-то околесицу. И мы не знаем, что делать. Сажать ли в землю семена? Но мы их уже посадили. Собирать ли урожай? Он собран, но, может, надо собирать еще? Ловить ли рыбу? Собирать ли грибы в лесу или, может быть, ягоды? Рубить ли дрова? Сушить ли целебные травы?

– Погодите, – остановил их ошарашенный Люк. – Как Учитель мог сойти с ума, если он – искусственный интеллект?

– А так вот! Идем, послушаешь сам.

– Да, конечно, – пробормотал Люк, поспешно срывая с себя пижаму и натягивая холщовые рубашку и штаны. – Я все запишу...

Он уже шарил в ящике стола, разыскивая ручку и бумагу. На столь же почетную, сколь и бесполезную должность Тот-Кто-Записывает его назначил Учитель, и с тех пор Люк старательно заносил в блокнот все события, происходившие в общине. А поскольку не случалось там почти ничего, во всяком случае, ничего нового и достойного записи, он целыми днями слонялся без дела, копаясь от скуки в незамысловатых мыслях односельчан. После Катастрофы головы у выживших сделались пустыми, как жестяные ведра, и заглядывать в них было все равно что любоваться солнечной рябью на поверхности воды. «Я голоден», «устал», «картошка уродилась», «луна взошла», «много звезд», «лопата тяжелая»... редко что-то более сложное всплывало в сознании молодых селян. У стариков еще сохранились воспоминания о прежней эпохе, но и те упростились, стали гладкими и круглыми, будто камни-голыши. Оскудел разум... И, как будто этого мало, люди разучились жить в потоке времени. Казалось бы, нет ничего легче – делай одно за другим в правильном порядке и все. Но видимо, какая-то часть мозга у них отмерла, та, что позволяла им плыть по этой бесконечной реке. Они больше не могли принимать решения и застыли бы в вечной кататонии, если бы не указания Учителя – последнего в мире компьютера, прощального дара ушедшей цивилизации.

– Нам не нужен Тот-Кто-Записывает, – возразил Риккардо, глава общины, когда они торопливо шагали по пыльной дороге. – Нам нужен Тот-Кто-Читает-Мысли.

– Как скажешь, – откликнулся Люк. – Ты думаешь, что всему конец, потому что Учитель сломался. А Дон... он любит синими цветами на обочине и пытается вспомнить, как они назывались. А вот Ллойд...

– Перестань, – с досадой оборвал его Риккардо. – Мы знаем, о чем мы думаем. Тебе нужно прочитать мысли Учителя и понять, что он имеет в виду.

– Как?!

Потрясенный, Люк даже остановился. Он видел отчаяние односельчан, чувствовал их робкую веру в то, что запутанное можно распутать, из бессмысленного набора фраз извлечь такие необходимые им всем советы – и все опять станет по-прежнему. Но ведь Учитель не живой. По сути он – бездушная железяка, только внешне похожая на человека.

– Я не смогу, – простонал Люк.

– Но кроме тебя некому! – умоляли его друзья. – У нас нет другого Чтеца Мыслей. Учитель дает указания, значит, он разумен. А если так, в его разум можно проникнуть и понять, что он имеет в виду.

– Ладно, – с неохотой согласился Люк. – Я попробую, но ничего не обещаю.

Учитель сидел на уступе скалы у горного ручья. Он выглядел, как высокий – в два человеческих роста – старик с длинными седыми волосами, заплетенными в две тонкие косички. Взгляд серых, как грозовые тучи, глаз устремлен вперед, в пустоту. Руки спокойно лежат на коленях, повернутые ладонями кверху, и в каждой – по солнечной батарее. Учитель питался энергией воды и солнца.

– Приветствую тебя, друг и советчик, – застенчиво произнес Люк.

Почему-то считалось, что именно так следует обращаться к Учителю, хотя сам он ничуть не беспокоился о том, кто и как его называет. Он смотрел на людей, но не видел их лиц. Склонял слух, но не слышал голосов.

Все вздрогнули, когда высокий старик разомкнул губы.

– представь себе – ночь в открытое солнце, как будто в окно, влезает по лестнице, может кряхтя, но стараясь без шума...

я вижу – моё ожидание было не так уж бездумно – я помню дорогу, я снюсь тебе, ты улыбнёшься? ***

– О чем это он? – шепотом спросил Люк.

– Понятия не имею, – прошептал в ответ Риккардо. – Ночь... дорога... Куда-то идти ночью? Ты можешь проникнуть в его мысли и растолковать нам, что нужно делать?

Люк пожал плечами и напрягся, стараясь пробраться в голову старика. Мысли Учителя казались ему жесткими, как стальные пружины, и выталкивали непрошенного гостя на поверхность.

– рисуем созвездия, светлый... находим дыханье... не в рифмах, не в ритме, не в смысле отдельном, но слитно с тоскою...

друг в друге... душа моя, ты ли горела звездой?

и падала, светлый... и падала в наше молчанье... ***

– Ох... – не выдержал Люк. – Он не может немного помолчать? Мне трудно сосредоточиться.

– Это стихи, – неожиданного вмешался Дон, Хранитель Прошлого.

Из всех выживших в Катастрофе старых людей он был самым древним и выглядел даже старше Учителя. Наверное, поэтому Дон помнил много всякого странного и ненужного. И вот, оно, наконец, пригодилось.

– Что такое стихи? – подозрительно спросил Риккардо. – И зачем они?

– Низачем, – расплылся в беззубой улыбке Дон, и, чуть помедлив, добавил. – Для красоты.

Что такое красота, селяне знали. Это когда небо обнимает жаворонка, превращая его в крошечную тень, и когда роса выпадает на цветы, и когда солнце роняет в воду медные слезы. Это васильки среди хлебных колосьев и рассвет над лесом... Красоту нельзя понять и растолковать, а можно только вдохнуть, как воздух, и дышать – в ритме сердца.

«Вот оно что», – догадался Люк и, зажмурившись, действительно, вдохнул слова Учителя, и они растеклись по его телу диким медом, одновременно сладкие и терпкие на вкус. На них можно было качаться, как на волнах, неторопливо уплывая в неведомое.

Сотни образов красоты одновременно обрушились на Люка, и среди их разноцветного хора стоял Учитель, незаметно из бездушной железяки превратившийся в человека. Он высился над растерянными людьми и протягивал им руку. У его ног текла река времени. Оставалось сделать только один шаг, и...

Она подхватила Люка и понесла, так свободно и естественно, что он не испугался, а как-то сразу ощутил, что указаний больше не будет, а будут – подарки, как сегодня, и беседы равных с равным. Правда, до этого еще нужно дорасти.

«Спасибо», – мысленно сказал он Учителю и... очнулся.

– Ну что, получилось? – с надеждой спрашивали его односельчане. – Что он хотел сказать? Что нам делать?

Люк посмотрел на небо и увидел в нем белые полосы, ощутил холод, идущий от земли, и внезапно почувствовал себя очень усталым. Время снова текло сквозь него, и образы природы связались воедино, подсказав ответ.

– Я думаю, нам пора спать.

Счастливые, селяне разбрелись по домам и, законопатив окна и двери, завернулись в теплые одеяла и впали в зимнюю спячку. И как раз вовремя, потому что не прошло и двух суток, как темные тучи на горизонте разбухли до величины гор и пошел снег. Даже не пошел – а хлынул белым ливнем, нескончаемыми потоками, и шел до тех пор, пока крыши домов не скрылись под рыхлым серебром, и только печные трубы торчали наружу.

Люк заснул позже всех, когда снег валил уже всюю, но законный свет еще не успел иссякнуть. Ведь так много нужно было записать. Все, до мельчайшей детали, не потеряв ни единого слова. Впервые Люк ощутил, что делает нечто по-настоящему важное. А потом – спать. Спать до весны. А весной будут новые ответы, новые стихи, новая красота.

Примечание:

В произведении использован стихотворение Алексея Лиса: «светлый...»

Чёрная полынь

Николь Аверина

Наступающий день... Уже очень давно он превратился для него в сплошную белую линию, пересечь которую невероятно трудно.

Он закрывает глаза, пытаясь погрузиться в сон, и снова видит её – степь, похожую на шкуру вылинявшего зверя. Горячий ветер треплет колючие головки чертополоха и, завивая столбы серой пыли, мчит их к пылающему, лихорадочному закату. Невыносимо жарко. Он задыхается и открывает глаза. Чёртова болезнь...

...Когда-то, очень давно, его было невозможно разбудить. Из объятий сна не могли вырвать ни ласковые лучи утреннего солнца, ни голос любимой жены, ни грохот будильника, для большего эффекта, поставленного в эмалированный таз.

Жена, пытающаяся растолкать его однажды, едва не поплатилась за это. С тех пор она делала это удалённо: в ход шло всё, что попадётся под руку – дочкины игрушки, луковицы или довольно увесистые картофелины...

Он потерянно улыбнулся и закурил. Воспоминания саднили, как рана на когда-то оторванном при аварии пальце, и заглушить эту боль не могла даже водка. Разве он мог подумать, что его подвижная, добросердечная и ласковая жена, уйдёт раньше. Он, уже много лет не выходящий из дома ещё при её жизни, и она...

Мысли тяжело и глухо ворочались. Опухшее лицо луны на сереньком, помаргивающем небе, было совсем не похоже на то, что преследовало его в снах: чёрное небо, звенящая луна, миллиарды светящихся звёзд и ликвидаторы, похожие на снующих муравьёв, которые не ведают о том, что их в любую минуту может раздавить человек – невидимый враг...

Таким врагом для человека была радиация – не видимая, не слышимая, не имеющая вкуса и запаха. Неужели кто-то, давая название городу, хотел предупредить, что через много лет здесь случится страшное. Чёрная быль, чернота и боль, горькая трава чернобыльник – Чернобыль.

При воспоминании о полыни, горечь во рту стала явной и во рту пересохло. Тяжело ступая опухшими ногами, он прошёл на кухню и остановился у окна. Угрюмый отблеск молний и порывами налетающий ветер говорили о надвигающейся грозе. Трясущимися руками он потянулся было к стакану и замер, прислушиваясь. Редкие, но тугие капли дождя всё настойчивей стучали в окно. И он вспомнил...

Что ж ты, ветер, мокрой своей улыбкой
не в губы целуешь меня, а в лоб...

Торопливо глотая недопитый с вечера чай, он осторожно засеменил в комнату и сел к компьютеру. Вот уже три года, как тот был его единственным собеседником и другом. Редкие набег и торопливые, ни к чему не обязывающие, звонки дочери были не в счёт. У неё семья, маленькая дочка... А жить вместе с ними было в тягость.

Он не любил стихов. Наткнувшись случайно на эти, в его представлении и не стихи вовсе, он был сражён не столько ими, сколько совпадением с его реальностью. Особенно поразило число. Жизнь остановилась для него именно тогда.

Он открыл блокнот, в который, сам не понимая зачем, скопировал текст и, беззвучно шевеля губами, перечитал:

Точно такая же ночь.
Такие же тряпки облаков,
протирающие столешницу луны.
А завтра – первое марта.
А потом – либо жизнь, либо смерть,
в зависимости от настроения Бога...

Похоже, что настроение Бога опять не в его пользу. Уже давно он молил об одном – уйти. Уйти, чтобы быть с ней рядом. Уйти, чтобы не чувствовать этой чёртовой боли.

Для чего ему нищий старик,
этот ссохшийся сгусток молчания,
к которому не подобрать живительной рифмы?

Действительно, для чего? Уже нет в живых земляков, которые были с ним в краях, воспетых Гоголем и Пушкиным. Тихая украинская ночь накрыла их чёрным плащом забвения. Забудут и его... А стихи останутся.

Неужели, ветер, ты плачешь?
Да брось, дружище!
Я ещё в состоянии тебя приласкать
и потрепать за ухом,
как в ту блаженную пору...

Старик задумался, перебирая в памяти счастливые мгновения. Скупой на ласковые слова, он никогда не жалел красок на интонации, приправленные искрящимся и добрым юмором. Но было ли этого достаточно – знать не мог, они не смогли ни проститься, ни простить друг друга. А просить прощения всегда бывает за что... Вот и сына они потеряли по его вине. Забеременев

уже после Чернобыля, жена приняла решение выносить ребёнка. Но родившийся до срока малыш, не прожив и трёх дней, умер.

Это уже после он узнал, что возраст солдат запаса, прозванных в народе партизанами, должен быть не ниже тридцати пяти. А ему только тридцать тогда стукнуло.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. За окном зрело утро. Деревья и кусты прихорашивались и, отряхивая с молодой листвы капельки дождя, протягивали к солнцу мокрые ладошки.

Старик спал. Пусть редко, но такое случалось. Чаще это было похоже на кратковременную потерю сознания. Иногда он успевал засечь время, но даже пятнадцать минут были для него счастьем. Сегодня оно было двойным – он видел во сне старый дом. В чистые, отмытые до блеска оконца, смотрелись разросшиеся кусты белой сирени. Одно окно было распахнуто настежь. Лёгкий ветерок перебирал цветы на тонкой ситцевой занавеске, а за столом сидел пацан, до боли похожий на жену.

Высунув язык, он осторожно макал перо в чернильницу. На тетради в косую линейку ровным и чуть угловатым почерком были выведены давно забытые слова: мы – не рабы, рабы – не мы.

Под крышей дома красовался транспарант со знакомым ему лозунгом – «Рабочий – хозяин страны», а из динамика, завораживая мягким тембром и маня, доносился голос Валерия Ободзинского и слова песни, любимой тогда очень многими – «в каждой строчке только точки после буквы л...»

Голос замирал, становился хриплым и снова усиливался. Раздался хлопок, напоминающий звук порванной струны, небо озарилось яркой вспышкой и дом накрыло чёрным пеплом горькой полыни...

Но старик уже не видел этого. Он улыбался...

Примечание:

В тексте использован верлибр Артура Кулакова «В ночь на первое марта»

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Братья наши меньшие

Лисята

Владимир Печников

Еще немного и лесная полоса закончилась, поворот направо... – впереди осталось одно поле. Ветер уж очень сильный поднялся, был боковой, а теперь встречный. Крутить педали стало намного сложнее, тем более в гору. Вот-вот, еще чуть-чуть и...

– Стоп машина, – прошептал Вовка.

Он, стараясь не шуметь, слез с велосипеда и положил его на землю, затем согнулся в три погибели... Затаился. Поле в стародавние советские времена поливное было, только трубы давным-давно на металлолом сдали. Один только кусок остался, не сумели его откопать. Слишком большой слой земли пришлось бы снимать. Диаметр трубы был приличного размера, голову точно можно просунуть.

Вовка подкрался почти к самому краю небольшой возвышенности и, с раскрытым от удивления ртом, стал рассматривать, представшую перед ним, необычную картину.

– Ни фиги себе! – било по озадаченным мозгам словно молотком.

Совсем рядом резвились на солнышке настоящие лисята. Рыжие, пушистые, а до чего шустрые... – четыре штуки наблюдатель насчитал. Двое с белыми манишками на груди, видимо девочки, затевали игры для двух других – мальчиков. Кувыркались, прыгали, чуть ли не на задние лапы вставали, будто обезьяны какие. Вовка тяжело дышал в ладонь, которой прижимал рот, чтобы не выдать своего присутствия. Ветер попался хороший, и добросовестным помощником дул как раз на него, тем самым помогая быть незамеченным. Промелькнула мысль: подползти еще ближе.

– А лиса-то где? – озадачилось вдруг сознание. – Где мамочка? Чё она детишек-то своих так вот просто бросила?

Вдруг один лисенок помчался в сторону.

– Оп-па, вот она!

Всего лишь в трёх метрах от своего потомства, греясь на солнце и попутно охраняя, возлежала лисица. Казалось, что ей все по барабану, но нет, нос постоянно был на стреме, – по ветру, а уши, словно локаторы противоракетной обороны, ежесекундно поворачивались на сто восемьдесят градусов. Она нехотя дала лапой под зад подбежавшему лисенку, и тот помчался обратно к своим братьям.

- Как бы еще поближе, – проговорил про себя Вовка, сделав одно только малозначительное движение...
- Вжи-и-их! – лиса в миг какой подняла голову и детишек будто ветром сдуло в торчащую из бугра трубу.

Мама удостоверившись, что враг налицо, немедленно последовала за ними.
– Ах, ты... – разозленный сам на себя, прошипел сквозь зубы неудачливый охотник. – Ты гляди, умница! Надо же сообразила, где дом себе устроить и нору рыть не надо. Цивилизация... Скоро в квартирах будут жить с телевизором и ванной.

В это же время в голове разыгрался целый шахматный дебют: «Ведь труба о двух концах, значит если один перекрыть доступным материалом, то через другое отверстие можно, в прямом смысле слова, выкурить их с места лисьей дислокации».

Всесильный и всемогущий азарт затмил другие бурные эмоции. Вовка быстро сориентировался, освободил сетку и обвязал ею обрезанный край трубы. Образовался мешок–ловушка. Возле другого края он соорудил небольшой костерок, благо ветер направлял дым в нужную сторону, не минуя трубы. Все происходило на автомате, не думая и не осознавая, на полном охотничьем инстинкте. Ну, очень захотелось поймать живого лисенка и привезти его домой. А зачем? Этого не знает никто. Просто захотелось. Просто так надо.

Дым, тем временем, неумолимо проникал в трубу. Вовка с другой стороны ждал появления добычи. Три, пять минут... – никакого результата.
– Да что ж такое-то? – не знал он, что делать дальше.

Откуда-то взялась здоровенная серая ворона. Эта предвестница разочарований и бед с огорчениями уселась тут же – напротив Вовки. Она нагло взгромоздилась на огромный куст, да как каркнет во всё своё воронье горло: «Каррр»!

Вовка непроизвольно содрогнулся и раз шесть перекрестился совершенно машинально, поскольку ни во что никогда не верил.
– Вот, зараза! Как напугала, гадина! – выругался он, сплюнув в сторону. – Тебя-то здесь как раз и не хватало.

Ворона буквально через секунду упорхнула навсегда.

«Ба-ах!» – на огромной скорости вылетела из трубы лиса и прямо в костер... Рыжая поначалу сбивала пламя, но вспыхнула сама, перекадилась, потушив огонь и... замерла.

Вовка еще не понял толком, что случилось, но к горлу все настойчивее подкатывался громаднейший ком непонятного волнения, но предвестника полнейшего ужаса. Он подошел к лисице и, с нескрываемым чувством жуткого омерзения на самого себя, пнул по лежащей жертве. Ботинок уткнулся в мягкое тело, а она даже не шелохнулась, только выпучила затуманенные зрачки и высунула длинный язык из огромной раскрытой пасти.

«Что ж такое–то? Что ж я натворил–то?» – непрестанно било по голове, пока охотник за лисятами осматривал со всех сторон злополучную трубу... Лисят не было. «Задохнулись», – пришло запоздалое озарение в Вовкину голову.

Он еще некоторое время бегал вокруг бугра, уже не видя ничего вокруг.
– А-а-а-а! – дикий, невозможно дикий крик моментально достиг неба и с оглушительной скоростью рухнул вниз.

Энергия, собравшись вокруг этого места, сгруппировалась настолько сильно, что помчалась мощной волной через всю длину поля. Волна, долетев до ближайшей лесной полосы, оттолкнулась от естественной преграды и, с невероятной скоростью, двинулась всей своей мощью обратно, тут же сбив с ног сходящего с ума человека. Получив в мозг, не знавший ранее, вкус истерики, Вовка стал, с особым остервенением и жестокостью бить собственное лицо о землю.

– Скотина! Что ты наделал? – кричал он.

Вовка никогда не плакал, никогда в своей жизни, если только совсем маленьким. Он не плакал по многим поводам: когда родные впадали в отчаянье, когда самому приходилось очень плохо. Он не плакал даже, когда умер его отец. Сейчас Вовка рыдал. Слезы бескрайним потоком размывали чернозем на его жалких щеках.

– Ты же их погубил, сволочь! Я убью тебя! – повторялось горько, с надрывом и... бесконечно.

Не знаю, сколько прошло времени, но наступил момент, когда Вовка затих и стал медленно подниматься. Он вытер рукавом грязное, опухшее от слез лицо и сделал шаг по направлению к обрыву в яр. Неизвестно, что было бы дальше, но проходя мимо потухшего костра, мимолетный взгляд отметил: мертвая лиса отсутствует.

– Не понял, – пробормотал бедолага.

Осмотревшись по сторонам, он особое внимание уделил оврагу. Глянув вниз, Вовка снова чуть не сошел с ума. Из-за росшего на дне куста вышагивала та самая дохлая плутовка, а за ней...

– Раз, два, три, – нервно, теребя пальцами горячее ухо, считал подросток. – Четыре!

Вовка повалился на спину и второй раз в один день и в жизни заплакал, только уже от невероятного счастья, что его так ловко провели.

Сказка, рассказанная кошкой

Джон Маверик

Я люблю допоздна бродить по городу. Вечером он похож на сказку, только уже рассказанную и почти забытую. Такой же холодный и пустой. Леденцовые домики с мансардами и покатыми крышами, еще зеленые деревья, с редкой золотой проседью в кронах, мягкий сумеречный свет. Дождь накапывает, но совсем не мешает. Он пахнет морем и ранней осенью. Я хожу вдоль трамвайных путей и смотрю по сторонам.

Одни люди, гуляя, любят машины, другие – палисадниками, домами, старыми платанами. Третьи – лодками в порту. Кто-то с любопытством вглядывается в лица случайных прохожих, гадая о судьбах этих незнакомцев. А я обожаю наблюдать за кошками. Днем почти незаметные, к вечеру они покидают теплые лежанки, потягиваются и чистят шубки, готовясь к ночной охоте. Приветствуют друг друга или угрожающе ворчат, распушив длинные хвосты. Ночью город принадлежит им.

Я так долго изучал кошек, что начал понимать их язык. Не позы и не подергивания хвоста, а картинки, мысли, образы.

Миную перекресток и замечаю большую тигровую мурлыку. Она растянулась на парапете и моет шершавым языком лапку. Вид у нее довольный и сытый, а шубка блестит от влаги.

– Добрый вечер, госпожа кошка, – здороваюсь почтительно.

Тигра презрительно щурит зеленые глаза.

– Оставь церемонии, – говорит. – Присаживайся лучше, поболтаем.

Польщенный, я опускаюсь рядом с ней на парапет.

– Ты чья? – спрашиваю.

– Сама по себе, – вздыхает она и хвастливо, как мне кажется, добавляет. – Я – кошка-баюн.

Улыбаюсь, вспоминая русские сказки.

– Я думал, баюн – это кот.

– Бывает и кот, – легко соглашается тигра. – А я кошка. В нашем роду все баюны. Мы посылаем людям сны – кому какие нужны.

– Да? Расскажи, – прошу, неожиданно заинтересовавшись.

По рельсам, сверкнув желтым глазом, проносится трамвай. Похожий на мифического циклопа, он безлюден в этот поздний час, но полон изнутри теплым золотым сиянием. Мы оба провожаем его взглядами.

– Видишь этот дом? – спрашивает кошка-баюн и кончиком хвоста кивает на огромное строение с двумя блекло-желтыми фонарями у входа. Оно темное и тихое, словно окутанное осенней грустью. – Его хозяйку зовут Хельга. Одинокая вдова. Раньше она была известным врачом – чинила людям сердца. Вообще-то, мы, кошки, занимаемся тем же самым, верно?

– Да, – соглашаюсь я, – вы это умеете.

Закончив вылизывать лапу, тигра принимается за вторую. Быстрыми движениями моет уши и мордочку. На меня она как будто не обращает внимания, но при этом продолжает рассказывать.

– В полумраке комнат Хельга стоит у окна, обняв себя за плечи. В углах ее дома скопилась пыль. На этой неделе она не поменяла постельное белье, а сегодня утром забыла причесаться.

– Откуда ты знаешь? – удивляюсь я.

– Что тут знать? – снисходительно щурится тигра. – Вы, люди, для нас как открытые книги. Много лет назад, таким же сентябрьским дождливым вечером, Хельга потеряла нерожденного сына. Побежала за трамваем и поскользнулась на мокром асфальте.

– Какая беда! – восклицаю. – Но ведь потом у нее были дети?

– Нет, – чуть заметно качает головой кошка. – Но тот, кого любили, не может исчезнуть совсем. Он остался рядом с ней – не живой и не мертвый, не заметный для окружающих. Хельга видела его как бы на краю зрения. Из младенца он превратился в хрупкого мальчика с волосами, как солнце. Потом в красивого парня, в молодого мужчину. Но как Хельга ни пыталась, никак не могла как следует разглядеть его, потому что он исчезал вместе со взмахом ресниц.

– Как знакомо, – тихо вздыхаю я, и мы долго смотрим вслед второму трамваю.

106

Последний, отмечаю про себя.

– Сейчас ей снится сон. Ее сын, десятилетний мальчишка – именно таким ей нравилось его представлять. Но сегодня они впервые встретились глаза в глаза. «Мама, завтра я приду к тебе и мы опять будем вместе». – «Но как?» – улыбается она сквозь слезы. – «Я буду выглядеть по-другому, но ты меня узнаешь. Твое сердце узнает».

– А завтра? – спрашиваю, затаив дыхание.

Завтра порог ее дома переступит маленький рыжий котенок. И Хельга примет его, как родного.

Несколько минут я ошеломленно молчу.

– Но это, – наконец, выдавливаю из себя, – нехорошо.

– Хорошо, – возражает кошка. – Он крохотный, и ему нужна забота человека, еда и крыша над головой.

– Но ты обманула Хельгу!

– С чего ты взял, что обманула? Сны – не ложь и не правда, это просто сны. Котенок из нашего племени баюнов, он заговорит ее боль. В дом вернется радость. И после долгих лет темноты в окнах вспыхнет свет, потому что в душе воцарится любовь.

Закончив свой вечерний туалет, она спрыгивает с парапета и начинает тереться о мои ноги.

Я решаюсь.

– Кошка-баюн, – прошу, – нашепчи мне сон – такой, чтобы захотелось жить. Чтобы прошлое стало настоящим, а осень расцвела весенними красками.

– Мррр, – кокетливо мурлычет кошка. – А что я получу взамен? Благодарно глажу ее темную спинку, а тигра пытается лизнуть мою руку. Ее узкие глаза мерцают во мраке таинственным изумрудным светом.

– Мой дом станет твоим домом. В нем есть мягкий диван, а в холодильнике – вкусное мясо. После ужина я задремлю у телевизора, а ты – у меня на коленях. Нас ждут уютные вечера, тепло и ласка. А по ночам – голова к голове – мы будем вместе смотреть счастливые сны.

– Мррр... Договорились!

Разноцветная кошка

Гелия Алексеева

*Кошке не нужно, что бы её любил весь мир...
Достаточно тех, кого она выбрала сама...
(Терри Пратчетт)*

Люди говорят, что кошек не любит только тот, кто ещё не встретил свою. В этой истине мне пришлось убедиться, когда невестка попросила забрать свою кошку на пару месяцев, пока подрастёт малыш. Сима была трехцветная – её рыжий, чёрный и белый пушистый мех неожиданно переходил из одного цвета в другой, словно художник лениво набросал на неё разных красок, оставив белыми лапки и пушистую шейку. Старшая внучка Алиса нехотя с ней расставалась, обещая проведывать.

Но сама Сима не привыкла, чтобы кто-то за неё решал. Поймав равнодушный и высокомерный взгляд, я понимала – я только её слуга. Не более. Иногда я пыталась взять её на руки, но она не отвечала мне взаимностью. Сима жила сама по себе. Накормленная, ухоженная и неприступная. И, оставаясь дома без присмотра, отчаянно рвала обивку мебели. Диван и кресла пришли в совершенно плачевное состояние, но ремонтировать их не имело смысла.

108

И вдруг она заболела. Неделью пряталась по тёплым углам, отказывалась от еды. Шерсть потускнела, глаза стали мутными. Муж повез её к ветеринару, и мы узнали, что кошке надо делать операцию.

Врач равнодушно произнёс приговор:

– Можем попытаться спасти её. Если выдержит. Но никакой гарантии. Потом ещё химиотерапия.

И назвал цену. От озвученной суммы я вздрогнула, посмотрела на жалкое существо и подумала, что спасти некого.

На следующее утро сын привёз внучку. Оставив у нас Алису, он поспешил по своим делам. Пока девочка смотрела мультфильм, мы с мужем на кухне разговаривали о нашей беде. Собравшись с духом, я сказала, что ничего не поделаешь, не стоит она таких денег. Вскоре мы ушли с внучкой на прогулку. Алиса не стала, как обычно, кататься на каруселях и лазить по горкам, только грустно смотрела на других детей. И я поняла, что она слышала наш разговор. Внезапно с дерева спрыгнула рыжая кошка и, виляя хвостом, остановилась рядом с нами. Алиса посмотрела на неё и сказала, что ей надоело гулять.

Поздно вечером я услышала плач. Внучка звонила сыну и с глазами, полными слёз, просила:

– Папа! Мне не надо больше никаких игрушек! Мне не нужны новые кроссовки и куртка! Папа, давай продадим мой планшет! И мне не надо праздник в день рождения, не надо на море! Я буду помогать маме во всём, чтобы она могла работать! Я буду с бабушкой делать поделки и продавать! Только давай кошку вылечим!

Я слушала и слёзы лились по моим щекам. Внучка считала Симу равноправным членом семьи и ей полагалось столько же, сколько другому – столько же любви, столько же жалости и столько же затрат, сколько другому члену семьи, если бы он вдруг заболел.

Я попыталась возразить:

– Она очень слабая и может не выдержать операцию. Но заплатить нам всё равно придется.

Внучка растирала слёзы рукой и будто соглашалась, но снова плакала. Тут всклопоченная Сима выкатилась из шкафа и медленно подползла к ней. Мне показалось, что от кошки пахло холодом и обречённостью.

– Я заплачу за лечение, – твёрдо сказал вошедший муж.

Утром он отвёз кошку в клинику, а вечером я поехала забирать её домой до следующей перевязки. В течение недели мы возили Симу в лечебницу.

Каждый раз, когда кошку запихивали в корзинку, она из последних сил пыталась сопротивляться. Вся в бинтах с пятнами крови, она выглядела совсем беспомощной, но мутная пелена постепенно уходила с её глаз.

Когда я поехала за ней в конце недели, Сима, услышав мой голос, начала громко мяукать. Я вошла в палату, она бросилась навстречу и вцепившись в мою куртку, не отставала. Сима вся дрожала – то ли от страха, то ли от слабости. Так на руках я её и привезла домой. В кошачьих глазах светилась такая благодарность и любовь, что этот взгляд было труднее вынести, чем серую пелену.

Исхудавшая кошка быстро поправлялась, словно отработывая затраченные на неё средства. Выдержав лечение, она стала набирать вес, шерсть опять стала шелковистой. Внучка играла с ней, а я почувствовала, что кошка меня полюбила. Сима не выражала это, пытаясь ластиться, но подходила, смотрела

в глаза и, словно чувствуя себя виноватой за причиненные всем нам хлопоты, позволяла себя погладить.

Теперь мы с ней мысленно разговаривали.

– За что ты меня теперь любишь! Я тебя не хотела лечить. Я вообще тебя не достойна! Ты лучше меня!

– Ты ведь меня не бросила. Будем считать, что это испытание.

Сима смотрела на меня своими огромными зелёными глазами, совершенно ясными и чистыми, словно только родилась на свет, и я чувствовала, что моя душа светлеет.

Она перестала обдирать обивку мебели, и я привела в порядок диван и кресла. Теперь кошка, выбрав мягкий уголок, спала там, уютно свернувшись колечком, и набиралась сил. А я почувствовала, что такое всегда тёплая, роскошная, меховая грелка.

Иногда Симу забирала к себе мама – побегать по травке. В саду у неё было много занятий – находить в траве шишки, пощипывать вкусные зелёные стрелки, погоняться за мотыльками.

По древнему поверью разноцветная кошка приносит счастье и удачу. И правда, пушистая красавица дарила хорошее настроение одним своим присутствием и прожила до глубокой старости в гармонии с теми, кого она выбрала и полюбила.

Оглавление

I. Планета Голливуд	
Иллюзион	
Чародеи. <i>Джон Маверик</i>	4
Зеленая книга. <i>Marara</i>	7
Короткометражка	
Тихая улица. <i>Aleker</i>	10
Солнце и ветер. <i>Джон Маверик</i>	11
Страна игрушек. <i>Гелия Алексеева</i>	12
Подвиг разведчика. <i>GP</i>	13
Дождь. <i>Галка Сороко-Вороно</i>	14
Стоп-кадр	
Я так вижу... <i>Aleker</i>	15
Браво, маэстро!	
Скала. <i>Aleker</i>	18
Первый Открытый Большой Прозаический Конкурс	
Ловец теней. <i>Джон Маверик</i>	20
Овраг. <i>Elena Che</i>	22
Сонная сказка. <i>Алексей Кузнецов</i>	23
Мечта. <i>Пелагея</i>	26
Кто так? <i>Наталья Сафронова</i>	28
История одной картины. <i>Алексей Кузнецов</i>	30
Линия жизни. <i>Милана Секоненко</i>	32
Сказка о царице Зиоме. <i>Marara</i>	35
Монетка. <i>Ольга Альтовская</i>	37
Купорос. <i>олдшуз</i>	39
II. Планета ГАУКиТА	
55-словники	
Выросла. <i>Наталья Сафронова</i>	42
Звонок. <i>Алексей Лис</i>	42
Виртуальный роман. <i>Ольга Альтовская</i>	42
Реальные события, случаи, факты	
Не такая, как все. <i>Наталья Сафронова</i>	43
Каждый день я просыпаюсь. <i>Милана Секоненко</i>	50
Абрикосы. <i>Яна Яблоко</i>	52
Стыковка	
Цветные сны. Лазурный. <i>Aleker</i>	58
Цепочка	

12 (часть 1). <i>Вит Музуров</i>	60
III. Планета путешествий	
Земля – Орион. Путешествие первое	
Узелки перипетий. <i>Вплениллюзий</i>	66
Земля – Орион – Минтака. Путешествие второе	
Подсолнух. <i>NataOven</i>	67
Земля – Орион – Минтака – Альнилам. Путешествие третье	
Музыка сердца. <i>Aleker</i>	68
Исцеление. <i>Джон Маверик</i>	70
Валенки. <i>Владимир Печников</i>	72
Учитель. <i>Алексей Лис</i>	74
Земля – Созвездие Золотой Рыбы. Конкурс афоризмов	
Умение быстро делать выводы – признак большого ума. Умение не делать быстрых выводов – признак мудрости. <i>Михаил Любавин</i>	75
Людей всегда осуждают по двум причинам: за любовь и за нелюбовь. <i>Лионель Садорро</i>	75
Мудрость – это банальность, сказанная к месту. <i>Михаил Любавин</i>	75
Многоточие – это след мыслей уходящих со страницы. <i>Сергей Че</i>	75
Письма в прошлое всегда приходят с опозданием. <i>Эризн</i>	75
Проблема часто не в том, чтобы поймать золотую рыбку, а в том, чтобы правильно её монетизировать. <i>Андрей Яковлев</i>	75
Земля – Созвездие Дракона. Конкурс сказок	
Сказка о первом воздушном змее. <i>Marara</i>	76
Кошка сдохла, хвост облез. <i>Джон Маверик</i>	79
Сказка о Маленьком Одуванчике. <i>Лионель Садорро</i>	84
Не пара. <i>Ольга Альтовская</i>	87
Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурс рассказов	
Сказка для Аленки. <i>Наталья Сафронова</i>	90
И что теперь? <i>Джон Маверик</i>	94
Чёрная полынь. <i>Николь Аверина</i>	98
Земля – Созвездие Большой Медведицы. Братья наши меньшие	
Лисята. <i>Владимир Печников</i>	101
Сказка, рассказанная кошкой. <i>Джон Маверик</i>	105
Разноцветная кошка. <i>Гелия Алексеева</i>	108
Оглавление	111

Парад Планет Победители прозаических конкурсов

Составление, вёрстка, дизайн
Виталий Музуров, Ирина Архипова

